

The background of the entire page is a vertical rectangular image. It depicts a woman from behind, wearing a dark, long-sleeved dress, walking away on a path. The path is covered with fallen orange and yellow autumn leaves. The path leads into a misty, dark forest. The trees are bare, with some orange leaves still on the branches. Several small, warm, glowing lights are scattered throughout the scene, some hanging from the trees and others on the ground, creating a magical and slightly eerie atmosphere. The overall color palette is dominated by dark browns, greys, and vibrant autumnal oranges and yellows.

НАТАЛЬЯ
КАЛИНИНА

ПРОКЛЯТАЯ КАРТИНА

АГЕНТСТВО
“МИСТЕРИО”

КНИГА ВТОРАЯ

Агентство «Мистерио»

Наталья Калинина
Проклятая картина

«Калинина Наталья»

2024

Калинина Н. Д.

Проклятая картина / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья»,
2024 — (Агентство «Мистерио»)

У агентства «Мистерио» новое дело. Из квартиры пропал молодой мужчина, а его супруга уверена, что исчезновение связано с недавно купленной картиной. На первый взгляд репродукция мало чем примечательна: неизвестный художник изобразил на осенней аллее таинственную незнакомку. Но, со слов заказчицы, фигура с каждым днем будто приближалась. Команда из медиума, ведьмы, хакера и экстрасенса берется за поиски пропавшего мужчины и вскоре понимает, что дело связано не только с недавней трагедией в пригородном поселке, но снова уводит в прошлое одного из коллег. И хоть команда пытается избежать былых ошибок, есть тайны, о которых не так просто рассказать. Секреты порождают недопонимание, а недосказанность приводит к чудовищным событиям. Агентство «Мистерио». Дело второе. Проклятая картина.

© Калинина Н. Д., 2024

© Калинина Наталья, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Калинина

Проклятая картина

Пролог

За неделю до событий.

– Я не придумываю! Зачем мне это?!

В голосе жены слышались слезы, и Саша еле сдержал раздражение. Разговаривать с Викой в последнее время стало очень трудно: не угадаешь, какое слово вызовет у нее взрыв упреков или молчаливую обиду. Он дико устал от такого «экстрима» и сам уже считал, сколько недель осталось до ее родов. До беременности Вика отличалась мягким характером, конфликты гасила улыбкой. Их жизнь была тихой, спокойной, уютной. А сейчас жену будто подменили: она словно задалась целью собрать все вопиющие крайности из мемов и анекдотов про вкусы и гормональные бури беременных.

– Вик, а давай прогуляемся! – вместо ответа предложил Саша. Сыграл ва-банк и сорвал джекпот, потому что резкая смена темы обескуражила супругу. Она растерянно моргнула и по-детски трогательно шмыгнула носом. Саша улыбнулся, чувствуя, как внутри развязывается узел: кажется, миновало.

Он помог Вике облачиться в пуховик, натянул ей на голову смешную шапку с помпоном и торопливо оделся.

Погода не располагала для долгих прогулок: небо хмурилось тучами, обещая скорый дождь, ветер срывал с деревьев остатки пергаментной листвы, лужи широкими озерами заливали дорогу. Саша с большим удовольствием провел бы воскресный день за компьютером или перед телевизором: работа в офисе изматывала. Но и дома, который в последние месяцы из надежной гавани превратился в заминированный порт, уставал еще больше.

– Это опять случилось, – продолжила разговор Вика, мельком оглянувшись на жилую высотку, будто та могла их подслушать. Отчего-то у Саши сложилось впечатление, что жена торопилась покинуть квартиру.

– Саш, я понимаю, как это звучит со стороны. Но в нашем доме действительно что-то происходит. Я четко слышу шаги по ночам, шуршание, вздохи. И это не соседка тетя Маша! Стена гостиной выходит на площадку.

– Так, может, ты слышишь тех, кто поднимается по лестнице?

– Каждую ночь? – усомнилась Вика.

– Кто-то поздно возвращается с работы или, наоборот, уходит в смену?

Жена помолчала, обдумывая его слова, и кивнула.

– Возможно. Но давай поставим камеру! Я увижу, что ничего в квартире по ночам не происходит, и успокоюсь.

Она лукаво улыбнулась – как совсем еще недавно, когда у них все было просто и понятно. Вика умела над собой подтрунивать, но так было до беременности. Саша очень соскучился по ироничным интонациям в ее голосе, поэтому сразу согласился:

– Отличная идея!

Если камера решит проблему необъяснимых страхов жены – прекрасно! Он, как заботливый примерный муж, предложил прогуляться до магазина техники, благо тот находился на соседней улице.

Тем же вечером Саша, весело напевая мотив популярной песни, установил в гостиной две небольшие камеры. Утром он продемонстрирует Вике записи и убедит ее в том, что никто

по ночам по комнате не ходит. Чувствительность камер была такая, что зафиксировала бы и движение мыши. Нет, Саше вовсе не хотелось доказать жене свою правоту, только успокоить. Вике нельзя волноваться, ей нужно высыпаться, правильно набирать вес, ждать с радостью рождения Сережки, а не страдать бессонницей, оттого что кто-то за стенкой якобы мешает.

Когда он, закончив работу, развернулся, увидел Вика стоявшей перед репродукцией, которую они недавно купили. Жена хотела, чтобы картина подходила и по цветовой гамме и, как она выразилась, по ощущениям, поэтому долго искала нужную. В итоге Вика нашла то, что хотела, а Саша просто согласился с ее выбором. Но, в принципе, картина ему тоже понравилась. Изображена на ней была осенняя аллея, конец которой терялся в жемчужной дымке. Незамысловатая картина, однако притягивала к себе взгляд. Хотелось не просто ею любоваться, а всматриваться в идеальный конус уходящей вдаль аллеи, в легкий туман, в котором парой мазков был обозначен женский силуэт.

– Давай ее снимем! – внезапно сказала Вика не оборачиваясь. Саша такого не ожидал, поэтому вопрос прозвучал слишком резко:

– Ну что еще?

Вика не ответила. Но, слава богу, и его раздраженный тон ее не задел. Она подошла ближе к картине и коснулась того места, где дымка заволакивала аллею.

– Чем картина тебе не нравится? – устало спросил Саша.

– Не знаю, – растерянno отозвалась жена. – От нее будто нехорошие вибрации идут.

Приехали! Да что ж такое!

– Но купила ты ее именно из-за позитивных «вибраций»! – не удержался он от сарказма.

Вика оторвала взгляд от картины, сморгнула и растерянno улыбнулась.

– Да, так и было. Я даже не знаю, как объяснить, но что-то поменялось.

У Саши не оказалось сил на споры. Он махнул рукой и пошел в спальню. Вика отправилась следом.

– Не сердись! Видимо, у меня просто день не задался.

– Вика, пойми, твои вкусы и предпочтения сейчас меняются так внезапно, что я за ними не успеваю! Покупаю клубнику, а тебе уже хочется селедки. Бегу за селедкой, а ты... Сама понимаешь!

– Прости, – повинилась она, легла рядом, неуклюже повозилась, пытаясь пристроить еще небольшой, но уже мешающий живот. Саша помолчал, а потом приобнял жену.

– Угу, – извинил он. Больше они к теме картины не возвращались. Так и уснули обнявшись.

Проснулся Саша резко, будто от толчка. Вика мирно посапывала рядом. Видимо, то, что во второй комнате установлены камеры, ее успокоило. А вот у Саши сон отчего-то пропал. Он аккуратно, чтобы не потревожить жену, выбрался из постели и отправился на кухню выпить воды. Часы показывали половину четвертого, но сна не было ни в одном глазу. Саша зашел в гостиную, включил бра, мягкий свет от которого размел по углам тени, и опустился в кресло напротив картины.

И что Вике не понравилось? В приглушенном освещении изображение отчего-то, наоборот, будто напиталось красками. Или этот эффект создан на контрасте? Но тусклое золото вдруг превратилось в кровавое вино, багрянец насытился коричневыми оттенками, а жемчужная дымка подернулась пепельной мутью. Саша медленно поднялся и приблизился к картине. Огонек на камере подозрительно мигнул, и темный «зрачок» развернулся за ним.

Наверное, стоило бы зажечь свет, чтобы нарушить это странное наваждение, но Саша, повинувшись какому-то влечению, протянул руку и коснулся полотна. Ладонь окутало живое тепло, будто картина отозвалась ответной лаской. Саша замер, не решаясь убрать ладонь и удивляясь тому странному ощущению, которое наполнило его душу – радость пополам с пред-

вкушением, будто от встречи с кем-то очень близким, с кем давно не виделся. От картины действительно исходили какие-то вибрации! Но позитивные.

Так он простоял, наверное, час, а может, и минуту, но, когда вернулся в кресло, от прежней эйфории не осталось и следа. Напротив, в теле разливалась тяжесть, как после физического труда. Саша зевнул, уже не борясь с навалившимся на него сном. Дойти бы до кровати...

Уходя из гостиной, он еще раз оглянулся на картину и удивился странному эффекту: ему показалось, что дама, которая вроде бы уходила в туман, теперь, наоборот, развернулась лицом к зрителю. Но сил рассматривать изображение уже не оставалось. Поэтому Саша решил, что это либо игра света, либо дама изначально и была так нарисована.

Утром он проспал на работу: не услышал будильника. И, торопливо собираясь и борясь со сном, о картине и об установленных камерах совсем не думал.

Вечером, когда они с Викой просматривали запись, ничего подозрительного не увидели. Никто по комнате не ходил, не шумел. Вика, убедившись в этом, заметно повеселела, но Саша, наоборот, озадачился. Камера не запечатлела, как он вставал из кресла и подходил к картине, хоть он хорошо помнил, что «глазок» развернулся за ним. На видео было только снято, как он сидит в кресле. Может, он действительно задремал и все остальное ему приснилось?

Но следующей ночью, после того как Вика уснула, Саша встал и вышел в другую комнату. На этот раз он зажег люстру и, рассмотрев в ярком свете картину, утвердился в мысли, что незнакомка движется навстречу зрителю. То ли от усталости, то ли от причудливой игры света, но Саше показалось, что силуэт увеличился в размерах, будто дама приблизилась.

От разглядывания изображения его отвлекло тихое жужжание камеры, которая вновь направила «глазок» на картину. Ничего вроде странного не произошло, но стало так жутко, будто он один в ночной комнате посмотрел фильм ужасов. Камера вновь зажужжала, и Саша резко оглянулся с желанием ее отключить. Оглянулся – и похолодел от ясного ощущения, будто кто-то с картины смотрит ему в спину...

– Вика, как ты думаешь, эта дама на картине, она идет по аллее от нас или к нам? – неожиданно спросил он за завтраком у жены.

Вика моргнула, будто вопрос застал ее врасплох, а затем ответила:

– Думаю, от нас. А что?

– Так, просто. Забавный эффект.

Саша не стал добавлять, что утром различил нанесенные точками глаза дамы на пока еще расплывчатом лице...

Глава 1

«Он хочет тебя видеть»

Люсинда пролистнула текст и отложила телефон на край умывальника. Начесывая на лоб короткие рыжие кудри, она подумала, что, к сожалению, часть жизни вот так, как сообщение, не смахнешь.

Без десяти восемь, скоро выходить из дома, нужно поторопиться.

Расправив перед зеркалом уголки воротника рубашки, она нанесла на запястья по капле духов. Затем проверила, выключила ли утюг, и налила на кухне чашку чая. Семь пятьдесят четыре. Изменив привычке, сегодня Люси завтракала перед самым выходом: как она себя ни обманывала, но фраза сбила ее с привычного ритма.

«Люсинда, ответь», – пришло еще одно сообщение. Она замерла с чашкой в руке, потом, будто опомнившись, закрыла мессенджер и вошла в новостную ленту. Заголовки, которые она пролистывала, не вызывали интереса. Люсинда уже собралась выйти из браузера, когда увидела новость, что олигарх Гвоздовский прошлой ночью был госпитализирован. Она помедлила, борясь с искушением ткнуть в кликабельную строчку, но, справившись с собой, допила остывший чай. Восемь ноль-ноль. Пора.

В офис она вошла, как обычно, в девять. Адрес поменялся, но манера приходить вовремя осталась. Никакие пробки, сбои в расписаниях поездов в метро и форсмажоры не могли задержать ее. Кто-то из коллег пошутил, что по Люсинде можно сверять часы.

По другой привычке, от которой так и не смогла отвыкнуть за два с половиной месяца, она бросила взгляд на стойку ресепшн. Каждый раз Люсинда подсознательно ожидала увидеть Марину, поэтому вздрагивала, наткнувшись на улыбающуюся физиономию шамана. Но сегодня Арсения не было на месте. Люсинда удивленно подняла брови. Все утро шло не так, как она привыкла. Какие еще сюрпризы подкинет день?

Ее кабинет был рядом с переговорной, из которой доносились голоса. Арсений и Макс приезжали рано, но помимо них был кто-то еще. Люсинда, не заходя к себе, заглянула в приоткрытую дверь и увидела заплаканную молодую женщину, вокруг которой суетился Арсений. Сидевший к двери спиной Макс тут же оглянулся.

– Привет, Люси! Заходи. Знакомься, это Виктория.

Посетительница кивнула в знак приветствия и поднесла к губам чашку. Сделав маленький глоточек, она громко шмыгнула носом. Шаман тут же услужливо подвинул ей коробку с салфетками и присел. Люсинда заняла место рядом с Максом.

– Пока не вся команда в сборе, но Лида с Герой скоро подойдут. Мы можем дожждаться их, но лучше приступим прямо сейчас, – ласково обратился к молодой женщине Макс.

– Я приехала слишком рано, простите, – пробормотала Виктория. – Не спала всю ночь, не знала, как дожждаться утра... Это какой-то кошмар! И, главное, мне никто не верит.

– Здесь вам поверят, – уверенно произнес Макс. – Повторите, пожалуйста, все, что я от вас услышал по телефону, и мы подумаем, как вам помочь.

Рассказ Виктории был сбивчивым, с паузами, она то и дело начинала плакать. А еще у Люсинды сложилось впечатление, будто молодая женщина тщательно подбирала слова. Возможно, гостя боялась, что ее поднимут на смех. Но лица Макса и Арсения оставались предельно серьезными. Люсинда тоже с некоторых пор отвыкла улыбаться. Она не только слушала посетительницу, но и слегка, стараясь не привлекать к себе внимания, считывала ее энергетику. Первым делом поняла, что припухлость лица Виктории вызвана не только слезами, но и ее беременностью. Люси чуть прикрыла глаза и мысленно выдохнула: мальчик, хорошо развивается, до родов еще три месяца. А вот настроение будущей мамочки было мрачнее тучи: душу женщины заволакивал промозглый туман, пропитанный безысходностью и отчаянием, страх

прорезался огненными вспышками, и тогда Виктория, будто за спасательный круг, хваталась за лежащую перед ней бумажную салфетку и сжимала ее в кулаке.

В девять пятнадцать из коридора раздался шум, смех Лиды, а затем зычный голос Геры: – Ау! Где все-е?

Коллеги ввалились в офис, как на праздничную вечеринку.

Виктория споткнулась на фразе, ее глаза удивленно округлились. Макс тут же поднялся с места и вышел в коридор. Не пробыл он там и минуты, вернулся с притихшими коллегами. И хоть лица тех уже были серьезными, глаза Лиды сияли счастьем. Проходя мимо, она, будто шлейфом дорогих духов, обдала Люсинду непривычными флюидами – радостью, ликованием и небольшой нотой смущения, словно Лида, глянув на клиентку, устыдилась своего настроения и попыталась его пригасить.

– У меня пропал муж, Саша, – продолжила Виктория после небольшой паузы, в которую ей представили Лиду и Геру. – В лицо мне это не говорят, но близкие считают, будто он меня бросил. Из-за моих гормональных сбоев я... стала невыносимой, Саша все это терпел, но...

Лицо женщины снова искривилось, пошло красными пятнами, она торопливо поднесла к глазам салфетку. И пока клиентка приходила в себя, никто не нарушал тишину.

– Но это не так! Саша меня не бросил! – воскликнула Виктория. – Его вещи на месте. Я просто не обнаружила мужа утром, когда проснулась. И ничто не указывало на то, что он ушел из дома! Даже машина припаркована на том же месте! Его нет уже четвертые сутки. Как бы я себя ни вела, он бы не поступил со мной так! Если у него была другая женщина, он бы... Он бы, наверное, как-то мне об этом сказал?

Виктория, будто в поисках поддержки, обвела всех несчастным взглядом. Гера соорудил сочувственную мину, лица Макса и Арсения оставались серьезными, Лида же, явно думавшая о чем-то своем, с трудом подавила неуместную улыбку. Коллега сидела рядом с клиенткой, и контраст между убитой горем молодой женщиной с заплаканным лицом и сияющей радостью и красотой Лидой был разителен. Люсинда обычно не вмешивалась, но сейчас чуть нахмурила брови, давая Лиде понять, что нужно сдерживаться. Впрочем, такой коллегу она тоже раньше не видела, вероятно, случилось что-то неординарное. И, судя по заговорщическому взгляду, который та бросила на Геру, – связанное с ним.

– А незадолго до Сашиного исчезновения в нашем доме стало происходить нечто странное, – продолжила Виктория. – По ночам я просыпалась от шума шагов за стеной, голосов, ощущений, будто кто-то на меня смотрит. Саша мне не верил, потому что ну кто может шуметь в пустой гостиной, за стеной которой находится не другая квартира, а подъездная лестница? Но я попросила установить камеру.

На этом месте Гера заинтересованно вскинул брови, а Лида наконец-то справилась с собой и лицо ее приняло внимательное выражение.

– Ничего вроде странного камера не сняла. Я просмотрела записи, убедилась в том, что никто по ночам по нашей квартире не ходит, и успокоилась. Но в ночь, когда пропал Саша... Как бы это объяснить. Понимаете, камера реагировала на движение. Так вот, в ту ночь она дважды развернулась к картине.

– Что за картина? – заинтересовался Макс.

– Мы ее недавно купили. Нашла в интернет-магазине, она мне очень понравилась, потому что подходила по цветовой гамме к интерьеру, да и просто хорошо выполнена: осенняя аллея и силуэт женщины, скрывающийся в дымке. Погодите, я вам фото покажу.

С этими словами Виктория поискала нужный снимок и пустила телефон по кругу. Люсинда, когда очередь дошла до нее, увеличила изображение и, рассмотрев его, передала смартфон дальше. Подняв голову, она заметила, что Макс наблюдает за ее реакцией. То ли желал узнать, почувствует ли что его напарница, то ли вспомнил недавние события в августе

– жуткий финал их первого расследования. И картину. Конечно, картину, которая оказалась ловушкой для Люсинды.

Она качнула головой, отвечая сразу на все безмолвные вопросы Макса, и села прямо.

– С этой картиной что-то... не так, понимаете? – внезапно перешла на шепот Виктория. – Поначалу она мне очень нравилась. Но с тех пор, как началось это все, мне захотелось от нее избавиться. Я прямо чувствовала угрозу! А потом каким-то утром Саша, – уголки губ женщины тронула несчастная улыбка, – спросил, не кажется ли мне, что дама на картине не уходит в дымку, а идет из нее? Робко так спросил. Я тогда сказала, что нет. А потом пригляделась. Силуэт слишком мелкий и нанесен несколькими мазками, не прорисован, не знаю, как назвать правильно. Видимо, это такой оптический обман. Но странное не это. В ту ночь, когда Саша пропал, я сквозь сон услышал легкий стук, а утром обнаружила картину лежащей на полу. И...

Виктория сделала судорожный вдох и на выдохе выпалила:

– Дамы на ней больше не было. Когда я попыталась сказать об этом полиции, мне, конечно, не поверили. Какое отношение имеет какая-то картина к пропаже моего мужа?

Макс сделал пометку в своем блокноте и спросил:

– А шумы по ночам больше не раздавались?

– Нет, – неуверенно произнесла Виктория. – Впрочем, я оставалась дома одна всего ночь, две другие провела у мамы.

Макс записал дату пропажи мужа женщины, когда была куплена картина, попросил скинуть ему ссылку на страницу магазина. И закончил встречу ожидаемой фразой:

– Мы к вам приедем сегодня, скажем, в...

– Около одиннадцати я буду дома! – с готовностью воскликнула Виктория.

– Хорошо! После осмотра станет ясно, наше это дело или нет. Заранее не хочу вас обнадеживать.

– Да-да, понимаю! – с готовностью закивала Виктория, обрадованная уже тем, что ее выслушали и не высмеяли. Макс поднялся, чтобы проводить посетительницу до выхода. Когда они вышли, Лида, будто с нетерпением дожидаясь этого момента, расплылась в счастливой улыбке. Такой ее и застал Макс, когда вернулся.

– Лимон съешь! В холодильнике есть, принести? – ухмыльнулся он. – Клиентка рыдала, а ты все собрание сверкала зубами. Что случилось?

Лида медленно выдохнула, а затем манерно вытянула руку и продемонстрировала Макс, Люсинде и Арсению колечко с крошечным бриллиантом.

– Гера вчера сделал мне предложение!

– Вау! – воскликнул Макс. Люсинда ответила в своей манере сдержанно:

– Поздравляю.

Арсений же вскинул бровь, будто чему-то удивился.

– Ну это... – засмутился Гера. В отличие от Лиды, которая чувствовала себя королевой, он явно не знал, куда деваться от такого внимания. Хоть внимание коллега очень любил. – В общем, я предложил Лиде выйти за меня замуж. Мы пока ничего не обсудили, дату не назначили. Но вы приглашены, короче.

Лида, сияя ярче солнца, бросила на него влюбленный взгляд и объявила:

– Я заказала в ресторане неподалеку столик на два часа. Отметим? Я вас приглашаю.

– Гм... Я собирался в обеденный перерыв уехать, – пробормотал Арсений. Но, прежде чем Лида успела нахмуриться, с радушной улыбкой поправился:

– Конечно, ради такого события я все отменю!

– Спасибо, Лида, за приглашение! За обед сегодня платит фирма, – сказал Макс.

И, раньше, чем кто-либо успел возразить, понимая, что «фирма» – это на самом деле Макс, на сбережения и кредиты которого и было открыто недавно их агентство, добавил:

– Это будет первая свадьба у нас, так что...

Грусть все же мелькнула в его темных глазах: он наверняка, как и Люсинда, вспомнил, к кому еще летом относилась эта фраза. Даже с лица Лиды на мгновение исчезла улыбка. Макс, спохватившись, засуетился: пролистал блокнот, щелкнул ручкой.

– Вернемся к работе. В одиннадцать надо быть у Виктории, адрес я дам. Поедут Гера с Люсиндой. Лида, ты мне нужна здесь. Арсений, ты тоже.

– Ясно, – Лида, если и огорчилась, то виду не подала. Обычно она работала в паре с Герой, но с некоторых пор все кардинально изменилось. Лида нужна была Макс, чтобы снова обсудить с ним защиты, без которых и без того сложная работа становилась слишком опасной.

Следующим слово взял Арсений, который распечатал целую пачку заявок. Новое агентство продолжало работу по старой схеме, которую ввел их бывший шеф Сергей Степанович. Но добавились расследования.

Собственно говоря, расследований как таковых у них еще и не было, если не считать того первого, в августе, трагического, да другого, заказ на которое новорожденное агентство «Мистерио» получило две недели назад. Второе расследование оказалось простым: владельца квартиры беспокоил призрак, создававший по ночам шум и сбрасывавший с полок вещи. Неупокоенный дух желал донести до живых, что несчастный случай с ним на самом деле был спланированным убийством. Макс, как медиум, с этой задачей справился блестяще: родственники погибшего узнали, что на самом деле произошло, душа ушла туда, куда и должна была после смерти, а владелец жилья избавился от пугающих его странностей в квартире.

До недавнего времени команда занималась чисткой мест, в которых случилось что-то страшное: «нехороших» квартир, офисов, участков дорог, на которых случались аварии. Люсинда, как экстрасенс, считывала энергетику, иногда могла увидеть, что случилось в прошлом. Макс, медиум, вступал в контакт с призраками и уговаривал их уйти. Лида, как ведьма, очищала проблемные места от скопления негативной энергии. Затем Люсинда и Макс проверяли, все ли чисто после их работы. И их бывший шеф Сергей Степанович запечатывал все с помощью рунических формул. Гера же был талантливым программистом, хакером, но работал не только в офисе. Он устанавливал приборы, анализировал их показатели – выполнял ту же работу, что и Люсинда, только с помощью техники. Марина организовывала работу офиса, координировала, составляла маршруты, отбирала заявки, общалась с клиентами. У нее это получалось замечательно, хоть она и страдала от своей «обычности». Но после первого расследования состав команды изменился. Марину заменил шаман Арсений. Макс стал шефом, открыл новое агентство и назвал его «Мистерио».

Они все еще не отошли от летних событий, не привыкли к переменам, порой не знали, как организовать работу. Да и Макс, Люси это понимала, чувствовал себя неуютно в роли начальника. К тому же случившееся больше всего ударило именно по нему. Но все же они шли вперед: выполняли привычную работу, благо после долгой тишины заявки снова стали появляться. А теперь, похоже, наклеивалось новое расследование.

«Пусть оно будет простым!» – мысленно пожелала Люсинда, выходя следом за Герой на улицу. И имела она в виду не сложность «ребуса», а чтобы дело оказалось без последствий.

В машине они молчали. Люсинда по своей привычке уткнулась в окно и рассеянно следила за проносящимися пейзажами. Гера тоже не нарушал тишины, хоть обычно балагурил, иногда не к месту. Атмосфера ощущалась такой необычной, что Люсинда украдкой покосилась на коллегу и позволила себе то, что старалась не делать со знакомыми людьми, – немного считать его настроение. Она делала это в исключительных случаях. Например, когда только пришла в агентство: ей нужно было узнать, с кем придется работать. Ни от резкой и заносчивой Лиды, ни от остроязычного Геры угрозы не исходило, оба были настроены по отношению к ней дружелюбно. Макс, Марина и шеф тем более отнеслись к новой сотруднице тепло. Немного позже Люсинда провернула трюк и с Арсением, и то, что она почувствовала, ее испу-

гало. Позже на вопрос Макса Люсинда ответила, что не доверяет шаману, не знает, какой он на самом деле, – и слукавила. Но больше ни к Арсению, ни к коллегам она не лезла. Неэтично.

Сегодня же Люсинда решила нарушить правило, потому что Гера был сам на себя не похож, а им нужно выполнить задание. Она коснулась его лишь поверхностно и все равно почувствовала, какой тоской веяло от коллеги. Люсинда едва удержалась от вопроса. Остановило только то, что они с Герой ни разу за время совместной работы не затеяли душевной беседы.

– Через десять минут будем на месте, – сказал коллега, бросил на Люсинду мимолетный взгляд и, конечно, застал ее врасплох.

– Что? – удивился он. – Что-то не так?

– Задумалась, – в своей манере вяло отговорила она.

– Обычно, когда ты думаешь, то в окно таращишься. А тут на меня.

– За окном пейзажи скучные, – буркнула Люсинда и отвернулась. – Ты не отвлекайся от дороги, Герасим. Мало ли на что или кого я таращусь. Уверяю, в эти моменты я просто думаю. И вовсе не об объекте, на который смотрю.

Гера хмыкнул и до конца дороги молчал.

Через четверть часа они уже поднимались по лестнице на второй этаж новой высотки. Виктория открыла им сразу, будто караулила возле двери. Она уже немного пришла в себя, умылась и даже слегка накрасилась. Домашний костюм не скрывал округлившегося животика, который женщина поглаживала обеими ладонями.

– Чай будете? Или, может, кофе?

– Нет, Виктория. Спасибо, – опередила Геру Люсинда. И по тому, как коллега недовольно зыркнул, поняла, что он от чая-кофе не отказался бы. Но они сюда приехали не за угощением.

Осмотр занял полчаса. Виктория все это время тихо просидела на диване, с интересом наблюдая за действиями гостей. Люсинда чувствовала бы себя уютней, если бы никто на нее не смотрел, но попросить хозяйку выйти из комнаты не отважилась. Гере же Виктория отнюдь не мешала. Он заметно оживился и моментально включился в работу: раскрыл на столе свой ноутбук, вытащил из объемной сумки несколько приборов и установил их в разных местах комнаты, затем занялся камерой. Люсинда тоже приступила к делу. С того места на диване, который она заняла, в поле зрения попадала картина, которую отчего-то невзлюбила хозяйка. Виктория сказала, что в ту ночь, когда пропал ее муж, картина упала со стены. Сама ли женщина повесила ее обратно или кто-то помог? Впрочем, это было не важно.

Люсинда отметила, что картина была выполнена маслом и, судя по всему, не профессионалом, хоть и способным художником. Конус аллеи казался идеальным, линия горизонта находилась на уровне глаз, пропорции соблюдены так, что создавалось ощущение присутствия на аллее глубины, ухода внутрь. Но вот, например, деревья все казались одинаковыми, невозможно было дифференцировать породу: то ли липы, то ли клены. Каждая порода по-своему осенью меняет цвет, но художник это упустил. Люсинде понравилось, как были выбраны оттенки, но чего-то все же не хватало.

Она спохватилась, что Макс бы хотелось узнать о картине совсем другое, а не оценку искусствоведа, коим Люсинда не являлась. Она поднялась с дивана, и в этот момент случайно скользнувший по картине солнечный луч создал иллюзию того, что дымка колыхнулась и на мгновение в ней проступил чей-то силуэт. Люсинда сморгнула, и наваждение исчезло. Никого солнечного луча, конечно, и не было: за окном по-прежнему хмурилось тучами ноябрьское небо. Она медленно приблизилась к картине с намерением коснуться полотна ладонями и получить информацию, но воскресшие так некстати воспоминания о похожей ситуации моментально сбили с нужной волны.

... Два с половиной месяца назад она, ошеломленная тем, что увидела в чужом доме собственную работу, которую узнала бы из миллиона, вот так же, выставив ладони, приблизилась к картине. Макс, понявший, что это ловушка, закричал, только Люсинда уже успела коснуться изображения. Ее вышвырнуло тогда из настоящего в прошлое – в те дни, которые испепелили сердце и выжгли душу, и погружение было настолько глубоким, что она не сразу смогла прийти в себя...

Воспоминание было таким ярким и болезненным, что Люсинда отдернула руку, так и не коснувшись рамы, и оглянулась на Викторию:

– Вы сказали, что на картине была изображена девушка.

– Просто размытый силуэт дамы, уходящей в дымку. Или идущей оттуда. Можно было понять и так, и так.

– Ясно, – обронила Люсинда, чтобы что-то сказать, и вгляделась в аллею. Одно место казалось затертым, отчего прямо в середине картины появилось белесое пятно.

– Вот здесь был изображен силуэт?

– Да, – на вдохе, отчего ответ прозвучал судорожно, ответила Виктория.

Люсинда ничего больше не стала спрашивать, хоть вопросы были. Могла ли хозяйка сама стереть фигуру?

От разглядывания картины ее отвлек Гера, который втиснулся между Люсиндой и картиной и поднял с пола один из своих приборов. Озабоченно хмуря светлые брови, коллега отошел к столу возле окна, покосился на выстроившиеся в ряд аппараты и что-то быстро напечатал.

Люсинда вновь вернулась на диван. Под настойчивым взглядом Виктории ей стало совсем неудобно. Возможно, хозяйка ожидала от гостей если не пояснений, то каких-то активных действий, но Люсинда никак не могла настроиться на работу. Отвлекал не только взгляд Виктории, но и мешанина из свежих и старых воспоминаний.

– Я закончил, – к облегчению Люсинды провозгласил Гера. Виктория тут же встрепенулась.

– Ну как? Это ваше дело?

Оказывается, ожидала она от гостей не активности, а вердикта – возмутятся ли за расследование или нет.

– Пусть с вами Макс свяжется, – уклончиво ответил Гера и покосился на Люсинду будто в поисках одобрения. – Я покажу ему свои замеры, а он решит.

– А что выявили ваши замеры? – продолжала допытываться Виктория. И столько было в ее тоне не любопытства, а мольбы (она даже сложила перед грудью ладони), что Гера сдался:

– Это был предварительный осмотр, не детальный. Но температура, электромагнитное поле и даже влажность в разных местах комнаты отличаются. А комната у вас небольшая для таких разбросов.

– И что это значит?

Гера вздохнул и терпеливо пояснил:

– Объяснение может быть как прозаическим: разная, например, толщина стен, поэтому у окна показания одни, а вон в том углу – другие. К тому же работает центральное отопление, воздух может прогреваться неравномерно. Нетривиальный же вариант – чудит какая-то сущность. Тогда это уже по нашей части. Не знаю, какое объяснение вам бы больше понравилось.

– А как это понять – толщина стен или... сущность?

Голос Виктории дрогнул. Она, будто пытаясь защитить будущего ребенка от неизвестной опасности, положила обе ладони на живот. Но Гера вместо ответа лишь пожал плечами. Сегодня он был слишком осторожен в высказываниях. Поняв, что от него больше не добиться ясных ответов, Виктория развернулась к Люсинде. Но и той сказать было нечего. Не признаваться же, что с заданием она не справилась.

– Мы передадим все нашему... шефу, – Люсинда споткнулась, потому что уже представила, как строго через очки на нее посмотрит Сергей Степанович, когда она сообщит о провале. Но начальником теперь был Макс. – Решения принимает он.

– Хорошо, я буду ждать звонка от Максима, – покорно согласилась Виктория.

Она проводила Люсинду с Герой до двери. И в том, как женщина помедлила на пороге, явно угадывалось ее нежелание оставаться в квартире одной. Но не успела Люсинда что-либо спросить, как Виктория вымученно улыбнулась:

– Я сейчас поеду к маме. Мы договорились пообедать вместе у нее.

Люсинда кивнула, коротко попрощалась и отправилась следом за Герой к лестнице.

– Ну и как тебе дело? – спросил он, когда они заняли места.

Она вместо ответа пожала плечами.

– Никакой чертовщины не почувствовала?

– Я не смогла ее почувствовать, – не стала отпираться Люсинда и отвернулась к окну, давая понять, что не желает продолжать разговор. Нет, против Геры она ничего не имела, но не хотела, чтобы он спрашивал про случившееся в августе на даче. Иначе бы пришлось как-то врать, а врать Люсинда не умела. Тем более своим.

– Ясно, – тихо вздохнул Гера. – Я тоже не обнаружил ничего экстраординарного. Как объяснил Виктории, причина различия в показателях может быть банальной. Впрочем, и разница та не особо заметная. Я скачал в ноут записи с карты памяти камеры. Посмотрю в офисе.

Не услышав в его голосе привычного энтузиазма, Люсинда развернулась к нему:

– Тебе не хочется ввязываться в новое расследование?

– А тебе? – вопросом на вопрос ответил он.

– Ну... Новое дело нам нужно.

– Я спросил не об этом.

– Я тоже спросила, – парировала Люсинда. Кажется, впервые за год с небольшим Гера поинтересовался ее мнением. Как и она – его. Да еще за все утро он ни разу не извратил ее имя. Вообще никак не назвал. И это настораживало. Лишь однажды Гера обратился к ней по имени – в тот день, когда все рухнуло.

Коллега протяжно вздохнул, вытянул шею, высматривая препятствие слева, прежде чем повернуть, и ответил:

– Мне кажется, Макс еще не готов к новому расследованию. Мы, конечно, потихоньку вливаемся в рутину, чистим стрелные местечки. Но еще раз влезать в какую-то жесь... Я хз. По нам всем шибануло то расследование. Про шефа и Маринку я вообще молчу. На Макса слишком много всего свалилось. Ему бы вырывать осторожно, а не лихо.

– А может, вырывать нужно резко, – не согласилась Люсинда и снова уткнулась в окно, думая в этот момент не об Максе, а о своем прошлом, которое так и не отпустило.

Возможно, Гера что-то понял, потому что снова вздохнул.

– Ладно, передадим все Макс. Пусть он решит, наше это дело или нет. Так, Люсиндыш?

Она вместо ответа улыбнулась своему отражению в окне: кажется, день налаживается, раз Гера снова извратил ее имя.

Макс выслушал их внимательно, с привычным невозмутимым выражением лица. Даже на признание Люсинды, что ничего, как экстрасенс, она не почувствовала, потому что не смогла настроиться на работу, не отреагировал. Коллега опять забился в свою броню, спрятал эмоции даже глубже, чем раньше. Зато Арсений старательно конспектировал в блокнот все, что рассказывала Люсинда. И это отчего-то вызывало непонятное раздражение: будто ей было сложно смириться с тем, что шаман занял чужое место. Обычно скрупулезно все записывала Марина. Люсинда и сама не ожидала, что так будет скучать по коллеге, которая незаметно для всех умела налаживать работу команды. Отчего-то подумалось, что и объединяла их именно

Марина, а не бывший шеф. А теперь ее с ними нет, и все будто разваливается. Хоть Арсений, надо отдать ему должное, с обязанностями офис-менеджера справлялся лучше некуда. И никогда, в отличие от Лиды, не жаловался, что занимается не своим делом. Люсинда покосилась на шамана: в офис тот одевался строго, в костюмы, хоть и выбирал оттенки, не совсем привычные обывателям. Например, сегодня он вырядился в фиолетовый костюм, а на шею повязал темно-зеленый платок.

Словно почувствовав взгляд Люсинды, Арсений поднял глаза. Но она уже отвернулась к Макс.

– Одна деталь мне показалась любопытной. Виктория поделилась, что на картине была изображена идущая по аллее дама. А сейчас на месте силуэта – небольшое белесое пятно. Вполне возможно, что кто-то фигуру стер, допустим, художественным скипидаром. Если бы дама была написана одновременно с остальным, то стирать бы пришлось до грунта и осталась бы дыра. А так – небольшая белесая затертость. Скорей всего, фигуру нанесли поверх просохшего слоя краски.

– М-м, – задумался Макс. – Не знаю, насколько это важно для нас. Дело интригующее, но пока не вижу, что оно по нашему профилю.

– Я успею до обеда просмотреть записи с камеры, – вмешался Гера.

– Только не увлекайся! – впервые за все время собрания нарушила молчание Лида. – На два часа у нас заказан столик.

– Не забуду. Макс, если ничего больше нет, то я пойду. Лида мне не простит, если я пропущу обед в нашу честь.

Гера расплылся в широкой улыбке, но Люсинде подумалось, что он совсем не рад такому вниманию. Скорей всего, на отмечании важного для Лиды события настояла именно она, а Гера просто сдался.

– Иди, – кивнул Макс. – Люси, изучи, пожалуйста, вот эти заявки, которые отобрал Арсений. Лида, помимо твоего задания, посмотри со своей стороны это дело с пропавшим мужем нашей заказчицы. После обеда мне нужно дать ответ Виктории.

– Есть, начальник! – весело ответила Лида и тоже поднялась с места.

– Арсений...

– А мне нужно составить список всего, что закончилось, оформить заказ, дозвониться до электриков, чтобы те посмотрели, отчего в туалете то и дело перегорают лампочки, – отработал шаман с лукавой улыбкой. И Люси в очередной раз подумала, что Арсений будто получает настоящее удовольствие, оттого что выполняет обязанности секретаря и офис-менеджера, а не по своей «специальности». Но короткий взгляд, который шаман бросил на нее в дверях, заставил в этом усомниться. Все эти две недели, что Арсений работал с ними, Люсинда всячески делала вид, что не замечает его взглядов, не заговаривала с ним сама, а на его вопросы, если таковые случались, отвечала кратко и монотонно. Ей не нужно было мужское внимание. Тем более от такого пестрого... павлина. Впрочем, надо отдать должное Арсению, он тоже держал с Люсиндой дистанцию, если не считать нескольких взглядов да вопросов, какой чай она любит, включить ли в закупку шоколад. Вопрос про шоколад удивил неожиданной заботой. Арсений откуда-то узнал, что силы она восстанавливает таким способом и всегда держит при себе плитку.

– Люси? – окликнул Макс, заметив, что она замешкалась. – Хочешь что-то сказать?

Она мотнула головой, поспешно засобиравшись, складывая в стопку распечатки с заявками. Но в дверях остановилась.

– Ты уверен, что нам нужно это задание?

Он удивленно вскинул темные брови, не уловив вложенного в вопрос смысла.

– Не уверен, что это дело – наше. Мало данных. Думаю, съезжу сам или с Лидой к...

– Я не об этом. Не важно, это дело или другое. Думаешь, мы готовы к новому расследованию?

Макс протяжно выдохнул и опустил взгляд на сцепленные в замок пальцы.

– Мы же провели еще одно. После того, первого...

– Недавнее дело оказалось простым.

– В наших возможностях я уверен. Мы сильная команда, хоть и не очень опытная. Но опыт приходит с работой, так? А если ты имеешь в виду наш моральный дух...

– Твой. Моральный дух Лиды после полученного предложения выше небес. Хоть Гера сегодня отчего-то не в настроении. Но, думаю, это оттого, что она затеяла отмечание в ресторане, а он не хотел афишировать их помолвку. Арсений за все берется с энтузиазмом, даже если требуется заказать туалетную бумагу.

Макс улыбнулся.

– Я справлюсь. Ты же ведь... справишься?

Его вопрос застал ее врасплох, потому что она четко услышала вложенный в него другой смысл. Макс имел в виду не столько августовские события, сколько личное, которым Люсинда ни с кем не делилась. На какое-то мгновение ей показалось, что он знает. Но откуда? Она не откровенничала даже с ним – самым ей близким теперь человеком.

Люсинда неопределенно качнула головой – то ли «да», то ли «нет». Она и сама не знала ответа. Вообще-то она собиралась спросить о Марине, но изначально задала не тот вопрос.

Оставшееся до обеда время пролетело быстро: Люсинда погрузилась в изучение заявок, большинство из которых показались интересными. Арсений и тут справлялся с задачей идеально. Идеальный сотрудник... Интересно, зачем ему это все – работать с ними, хоть у него столько денег, что он может банально прожигать жизнь? Устроился в агентство от скуки? Ради библиотеки из ценных старинных книг, в чтение которых погружается во второй половине дня? Или... «Люсинда, какой шоколад тебе заказать?» Губы растянуты в услужливой улыбке, а вот светлые глаза – серьезны как никогда. Что он, этот вездесущий шаман, о ней знает? «Галерея «Галатея», вот где мы встречались, Люсинда», – вспомнилась ей прозвучавшая *тогда* выстрелом в спину фраза. Об этом комментарии она с тех пор не забывала.

– Ма-акс! – раздался из коридора зычный голос Геры. – Глянь, это интересно!

Коллега так и не приучился звонить по внутреннему телефону. Естественно, на его зов отправились все. Лиды, которая уже собиралась в ресторан, недовольно покосилась на настенные часы, но промолчала.

Гера запустил на компьютере черно-белое видео. В поле зрения камеры попадала гостиная в квартире Виктории. Фокус был направлен на ту стену, на которой располагалась картина. Вначале ничего не происходило, потом видео пошло легкой рябью.

– Странная помеха, – прокомментировал Гера. Но в следующий кадр уже попал одетый по-домашнему мужчина. Он медленно приблизился к картине и принялся что-то оттирать.

– Что у него в руке? Ватный диск? И что он трет? Заскринь этот момент, – попросил Макс.

Гера послушно поставил видео на паузу и сделал, что его попросили.

– Кажется, платок, – сказал Макс, рассматривая увеличенный кадр. – Или салфетка. Люсинда, в этом месте на картине пятно?

– Примерно.

– Ок. Возможно, силуэт дамы он и стер. Давай дальше, Гера.

Окончание видео уложилось всего в три-четыре секунды. Мужчина, не опуская руки, резко оглянулся, глаза его расширились, рот округлился, будто от возгласа, и запись оборвалась.

– Все. Больше ничего нет. Я дважды проверил.

– Так понимаю, это муж Виктории. Он будто чего-то испугался, – прокомментировал Макс. – Она что-то говорила про эту запись? Полицейские ее видели?

Вместо ответа Гера пожал плечами.

– Ладно, сам позвоню и спрошу. Что ж, на этом пока и закончим. Обеденный перерыв! Лида зарезервировала столик, нам нельзя задерживаться.

В коридоре Люсинда нагнала Макса и тронула его за локоть:

– Отпустишь меня сегодня на час раньше?

– Без проблем, Люси.

– Спасибо.

Макс задержал на ней взгляд:

– Все в порядке?

– Да, – ответила она и даже чуть улыбнулась.

Глава 2

Марина спала – как и все последние вечера. Наташа, ее сестра, на днях объяснила Макс, что Марине назначили новое лекарство, которое вызывало сонливость. Что ж, если оно поможет девушке выздороветь, то пусть, хоть Макс и скучал по взгляду ее синих глаз и слабой, но такой искренней улыбке.

Стараясь не шуметь, он аккуратно положил на прикроватную тумбочку плюшевого зайца и присел на стул. Марина проспит их «свидание», но потом, увидев игрушку, поймет, что Макс приходил. Он приезжал к ней каждый вечер и обязательно привозил что-то милое: букет, открытку, шоколадку, браслет, смешной воздушный шар. Цветы у нее не переводились. Мама Марины принесла в больницу красивую вазу, а потом еще две. Палата уже превращалась в оранжерею, но так меньше напоминала казенное помещение.

Марина поправлялась тяжело, медленно. Впереди ее ожидала сложная реабилитация. Но, главное, жизни девушки уже ничто не угрожало. Она ни разу при Максе не пожаловалась на то, что ей больно, неудобно, страшно. Он тоже в разговорах с ней аккуратно обходил темы, которые могли ее расстроить. Пускай все эти эмоции перекипят в нем и выплеснутся в другом месте. Марине нужны поддержка, забота. Любовь.

– Мне тебя так не хватает... – тихо сказал Макс, отчего-то сейчас как никогда сильно ощущая свое одиночество. Свет в палате был пригашен, за окном вечерел бесснежный ноябрь. Обстановка, расчерченная остроугольными абстрактными тенями, казалась особенно удручающей. Может, на настроении сказывалось то, что он уже несколько дней заставлял Марину спать и не мог пообщаться с ней?

Она уже знала, чем закончилось их первое расследование. Весть о смерти бывшего шефа, конечно, огорчила ее до слез. Но другие новости Марина восприняла с энтузиазмом – и о «Мистерио», и о том, что новорожденное агентство возглавил Макс. Он рассказывал ей о коллегам, о рабочих буднях, преуменьшая сложности и смягчая их юмором. Марина улыбалась, где-то смеялась, но все равно у Макса создавалось впечатление, что она не покупается на его наигранную беззаботность. «Ты выглядишь очень уставшим и встревоженным», – на днях заметила она, хоть он в тот момент рассказывал ей что-то забавное. Макс осекся на полуслове: кого он пытается обмануть? Еще Сергей Степанович говорил, что у Марины сильная интуиция.

Но помимо всего Макса глодало чувство вины: за то, что случилось с Мариной, за то, что они так легко попались в ловушку и упустили врага, который где-то продолжал себе спокойно жить. Днем Макса поглощали заботы, а вечером вместе с усталостью накатывали воспоминания о том кошмарном дне, который едва не стоил Марине жизни. Все случилось как предсказала Лида. Можно ли было избежать несчастья, если бы Макс послушал коллегу, если бы, как до этого, никак не проявлял свои чувства? Если бы не задержал Марину просто потому, что захотел ее обнять?..

А тот, кто во всем был виноват – Иван Темный, – сумел скрыться...

Погруженный в мрачные думы, Макс не замечал того, что вокруг него плотным коконом сгущается холод, а в тишину вплетаются только им слышимые голоса. Ему всегда бывало плохо в больницах, но со временем он научился отгораживаться от присутствия тех, кто не принял свой уход и остался в зданиях бестелесно. Бывший шеф создал несколько защит, которые помогали Максиму закрыться от нежелательных контактов. Но с тех пор, как Сергея Степановича не стало, рунические формулы прекратили работать. А может, просто Макс стал относиться к ним предвзято и тем самым лишать рабочей силы... Впрочем, Лида тоже выступила против использования ставов, пообещав, что лично займется созданием защиты. Собственно говоря, сейчас они и искали разные способы, но пока не нашли оптимальный вариант.

Холод вползал в душу, выманивая все более страшные воспоминания. Максу бы спохватиться, встать, покинуть срочно больницу, но он продолжал сидеть, рассматривая безмятежное лицо Марины и погружаясь в тоску все больше. Его не волновало даже то, что нестройный хор уже распался на отдельные голоса, что чьи-то настойчивые просьбы и жалобы туманили сознание.

– Максим?

Он не сразу понял, что зовет его другой голос – знакомый, живой. Очнулся только тогда, когда кто-то настойчиво потряс за плечо. Макс вскочил на ноги и покачнулся от слабости. Он поспешно улыбнулся, увидев маму Марины, да только она не купилась на его уловку.

– Тебе нехорошо?

– Я просто...

– У тебя кровь идет из носа!

Женщина, не сводя с него встревоженного взгляда, расстегнула сумочку, на ощупь нашла пачку одноразовых платков и протянула ему.

– Сядь. Я попрошу у медсестры лед.

– Не надо.

С остальным Макс не стал спорить: приложил к носу платок, сел и чуть запрокинул голову.

Мама Марины вздохнула и, наклонившись к спящей дочери, чтобы убрать с ее лица прядь волос, проворчала:

– Совсем не бережешь себя.

– Я всего лишь задумался.

– Сколько ты тут сидишь? Часа два, не меньше...

– Хотел дождаться вас.

Женщина выпрямилась и внимательно посмотрела на него таким же серьезным, как у дочери, взглядом.

– Тебе нельзя долго находиться в больнице. Ты же знаешь, что с любой новостью я звоню. Если так нужно лично встретиться, можешь дождаться меня в кафе, но не здесь. Береги себя хоть немного. Вряд ли Марина будет рада видеть, как ты себя... изнашиваешь.

Он улыбнулся на такое забавное словечко, вроде и неуместное, но так точно выразившее то, что с ним происходит. Как хорошо, что маме Марины не нужно ничего объяснять. Как хорошо, что она это приняла. Мало кто даже из близких знает о том, каким страшным даром он обладает.

Во время короткого разговора Максу удалось собраться. Но, подумав о мертвых, он внезапно понял, что в этой комфортабельной палате в новом крыле больницы они тоже есть. Или это он приманивает их? От этой мысли, которая ошпарила кипятком, ему захотелось броситься на улицу немедленно, бегом. И почему он раньше до этого не додумался? Марине только неупокоенных душ тут не хватало!

– Максим, иди на воздух, – поторопила его женщина. – Зайди в кафе, съешь что-то сладкое. Надеюсь, ты не на мотоцикле?

Он хотел соврать, чтобы успокоить ее, но мама Марины уже заметила оставленные на другом стуле шлем и куртку.

– Господи... Ну что с тобой делать? Приди в себя вначале. И позвони, когда вернешься домой.

– Хорошо, – улыбнулся он. – Спасибо.

– За что?

– За то... За то, что понимаете и принимаете. За ваше беспокойство.

– Иди уже. Будто мало мне поводов для беспокойства... – ворчливо отозвалась она и отвернулась к дочери.

Макс умылся в туалете палаты и постарался затереть кровавое пятнышко на светло-сером свитере, но только лишь размазал его.

Из больницы он уходил торопливым шагом, оставляя за собой шлейф из неслышимых голосов. Хорошо хоть, что *они* не покидают больничных стен и не увязываются за ним!

В вестибюле Макс внезапно увидел Люсинду. Видимо, потому она и отпросилась пораньше, чтобы кого-то навестить. Он окликнул ее, но Люси, оглянувшись, внезапно смутилась и, опережая расспросы, поинтересовалась:

– Как Марина?

– Спала. А в остальном как раньше.

– Ясно, – рассеянно отозвалась Люсинда. – Я навещала ее на прошлой неделе, немного поговорили. Держится.

Макс просто кивнул и придержал для коллеги дверь. На крыльце они остановились, помолчали, каждый думая о своем. Люси не торопилась. Он тоже.

– Зайдем в кафе? Потом я подвезу тебя туда, куда скажешь.

– Ладно, – в своей манере вяло отозвалась напарница, но Макс показалось, будто Люсинда обрадовалась приглашению.

Ближайшее кафе находилось минутах в пяти ходьбы. Ветер ударил в грудь, взъерошил отросшие волосы. Ноябрь в этом году выдался особенно сердитый: ветреный, колючий, темный. Поездки на мотоцикле с каждым днем становились все сложнее, но Макс оттягивал решение поставить байк до весны.

До кафе они с Люсиндой дошли в тишине. Молчание с неразговорчивой, как и он сам, коллегой не напрягало, наоборот, успокаивало. Иногда Макс думал, что им и не нужны слова: они чувствовали друг друга, как близнецы. И это было странно, потому что о самой Люсинде он, как и остальные члены команды, знал мало: старше его на три года, была замужем, водила когда-то мотоцикл, в прошлом – талантливая художница. Еще недавно Марина проговорила, что Люсинда свой день рождения отмечает в другую дату – в июле, а не в апреле.

В помещении вкусно пахло выпечкой и кофе. Макс, вдохнув теплый воздух, пропитанный пробуждающими аппетит ароматами, понял, что не только устал, но и проголодался. В выходные он не успел сходить за продуктами, доставку тоже не оформил, так что дома его ожидал пустой холодильник. Макс окинул заинтересованным взглядом витрину и спросил у Люсинды:

– Что будешь?

– Только чай, – пожала она плечами.

– Мы так не договаривались, – засмеялся он и направился к свободному столику в дальнем углу. – Тут неплохой выбор выпечки, супов и салатов.

– Я не голодна. А ты заказывай, что хочешь. Тебе нужно восстановить силы.

И она туда же... Макс перехватил взгляд коллеги, которым та скользнула по пятну на его груди.

– Снова? – спросила Люсинда, прекрасно все поняв.

– Нехорошие воспоминания накатили, и я открылся больше, чем следовало, – не стал увиливать Макс. Подошедшей к столику официантке он заказал грибной суп-пюре, пирожок с мясом и салат. Люсинда же ограничилась чашкой черного чая.

– Лида так и не установила тебе действующую защиту? Она же сильная ведьма, ее охранки дали фору руническим ставам Сергея Степановича.

– Лида подобрала уже не одну. Но я ее защиты будто разваливаю, – признался Макс.

– Не ты, а твое чувство вины, которое гораздо больше ее возможностей. Если бы был жив Сергей Степанович, ты бы винил его. А так как о мертвых либо хорошо, либо никак, то всю ответственность за случившееся ты взвалил на себя. От такого саморазрушения никакая

ведьма тебя не спасет. Защиты Лиды призваны оберегать от внешнего влияния, но главный вред наносишь себе ты сам – изнутри.

– О как! – удивился Макс. – Мы с этой стороны не думали!

– А зря! Лида старается, но ты всю ее работу сводишь на нет, – припечатала Люсинда и взяла из корзинки кусочек багета.

– И что мне делать? – усмехнулся Макс – то ли ее словам, то ли тому, что Люси все же не обошлась одним чаем.

– А я откуда знаю? – ответила она совсем не то, что он ожидал. Люсинда так ловко разложила все по полочкам, а когда Макс спросил о решении – дала заднюю. – Отправила бы тебя к психологу, но я в них не верю. Сказала бы, что отпусти все, но это – бесполезные слова, а ты спрашиваешь о действиях. Не знаю, Макс! Работой себя ты уже загрузил по самое не могу, даже подстричься некогда.

– Что, совсем зарос? – удивился он и запустил пальцы в волосы.

– Ну, еще не длинноволосый Гера, но и не тот коротко стриженный Макс, к которому я привыкла. А если серьезно, то ты завяз в прошлом. Уверена, каждый день перебираешь в уме подробности первого расследования: ищешь, на каком этапе мы ошиблись, пошли не туда, где еще можно было остановиться... Ведь так?

– Угу.

– А случившееся не исправить, с ним надо как-то жить, – она помолчала, будто желая придать вес своим словам. – У нас намечаются новые расследования, но ты к ним не готов. Если тебе так тошно находиться в больнице, что случится, если мы столкнемся с агрессивными сущностями?

– Вся надежда на Лиду, которая на подъеме от перспективы долгожданного замужества создаст что-то мощное, – засмеялся Макс.

– Не просто мощное, а сильнее твоей хандры, – назидательно провозгласила Люсинда.

– Кстати, о расследовании. Я решил помочь Виктории. После обеда, как ты знаешь, я снова съездил к ней. Ничего нового пока не обнаружилось, можно было бы и отказаться от дела. Но нам нужно идти вперед. Да и Виктории не к кому больше обратиться. Я бы попросил тебя выяснить все о художнике, написавшем картину. Понимаю, что это задание может тебе не понравиться... Поэтому собирался поговорить с тобой не при всех, а лично. Можешь отказаться, но из всех нас только ты разбираешься в этой теме и, подозреваю, водишь знакомства в нужных кругах.

– Водила, – помрачнела Люсинда и залпом допила остывший чай. – Без проблем, Макс. Сделаю. Мне тоже нужно отпустить прошлое. Всю жизнь прятаться не удастся.

Она, поставив чашку на стол, улыбнулась, но улыбка вышла какой-то несчастной. Макс даже пожалел о своей просьбе. Он не знал, что случилось в жизни Люсинды, но понял, что влез туда, куда и ему ход запрещен.

– Пароли, явки? – деловито спросила напарница, выводя его из мимолетной задумчивости.

– Да-да, конечно. Я сфотографировал картину и записал адрес интернет-магазина, в котором она была куплена.

Макс переслал информацию, и телефон тут же зазвонил.

– О, а вот и сама Виктория!

Макс мельком оглянулся, убедился, что их столик находится в уединении, и включил громкую связь, чтобы разговор был слышен Люсинде.

– Максим! Простите! За беспокойство!

Голос женщины звучал прерывисто, фразы дробились на отдельные слова, как будто она исполняла стаккато. Виктория то ли шла, то ли поднималась по лестнице и была сильно встревожена.

– Я! Получила! Странное! Письмо... от Саши! Пожалуйста, можете завтра приехать?

– Да, конечно. Привезу и договор.

– Спасибо, – выдохнула Виктория и будто всхлипнула. Макс пробормотал какие-то утешающие слова, женщина заверила его, что взяла себя в руки. Они договорились о встрече у нее в девять утра.

Люсинду Макс подвез, как она попросила, до ближайшего метро. Он отвез бы ее и домой, но Люси никому не говорила, где живет, и Макс уважал ее нежелание рассказывать о себе. Попросил только позвонить, когда она доберется, и вспомнил, что то же самое сделать пообещал и маме Марины.

Верный байк домчал его до дома меньше чем за час. Ставя мотоцикл на привычное место, Макс вытащил из кармана телефон, чтобы позвонить, но увидел сообщение, от которого заколотилось сердце.

«Встретимся завтра в обед напротив вашего агентства? Есть что рассказать. Алиса».

Глава 3

Тропа, по которой она шла, петляла между деревьев, тянувшихся багровыми макушками к холодному осеннему солнцу. Марина не чувствовала усталости, как и страха с беспокойством, хоть и не понимала, куда идет. Вчера путь пролегал вдоль реки, чьи темные воды закручивались в упругие водовороты, а сегодня привел в лес.

Она шла уже долго, но вокруг ничего не менялось: все то же окружение из рябивших в глазах стволов, яркие ляпки желто-красной листвы, высокий купол темно-синего неба. Но, когда Марина решила, что бродит кругами, тропа вывела на поляну. Пространство открылось внезапно, словно разжался кулак, и она в первый момент растерялась. Но затем, увидев небольшой ручей, присела и зачерпнула ладонью ледяной воды.

Только умывшись, Марина поняла, насколько устала. Тело наполнилось тяжестью, к лодыжкам будто привязали гири, сонливость накатила так сильно, что ее качнуло. Не засыпать! Отчего-то стало ясно, что здесь нельзя задерживаться. Пока сон не сморил ее совсем, Марина поискала взглядом дорогу. Куда та пропала? Тропа была словно ниточкой из волшебного клубка. А теперь Марина не знала, с какой стороны пришла. Она вставала и так, и эдак, ориентируясь на ручей, но ее со всех сторон окружал лес из одинаковых, будто отксерокопированных деревьев. Когда Марина крикнула, тишина не нарушилась ни эхом, ни шумом всполошенной птицы. Как она не заметила раньше, что здесь все какое-то ненатуральное? Ветер не трепал макушки деревьев, воздух казался застывшим, будто желе. Ни шороха, ни шепота. А самое главное, не ощущалось ароматов. Разве так бывает, чтобы в лесу не пахло прелой листвой, грибами и свежестью? Марина задрала голову, но и небо тоже было ненатурально синим, словно его нарисовали на потолке.

Ей стало страшно от мысли, что какой бы путь она теперь ни выбрала, тот обязательно приведет ее на поляну. Здесь будто замкнулись начало и конец, и все ее потуги куда-то прийти окажутся бесплодны. «Мертвое, здесь все мертвое», – ужаснулась Марина. Она умерла, но не приняла свой уход и поэтому закольцевалась в бесконечном пути? Рассказывал же ей Макс о том, что когда-то испытал, находясь в коме.

Воспоминания о Максе согрели волнующим теплом. Может, она все-таки жива? А раз так, она найдет выход, нужно только успокоиться. Приободрившись, Марина зашнуровала потуже ботинки и отправилась в чащу. Но не прошла и пары десятков метров, как остановилась, потому что на лес стала напирать дымка. Легкая и полупрозрачная как вуаль, она возникала со всех сторон, заворачивая окрестности словно в упаковочную бумагу, и вскоре сгустилась до непроницаемого тумана. Марина опустила взгляд и не увидела ног. Вытянутая рука тоже будто погрузилась в вату. Вот тогда девушка по-настоящему испугалась. Может, здесь проходит разлом между миром живых и мертвых? А что дальше? Кто-то за ней придет? Или появится свет? Но как же так... Марина запаниковала: она не собиралась уходить «туда» сейчас, но и оставаться блуждающей душой, не принявшей свой уход, тоже не хотела.

– Эй! Помогите! – раздалось вдруг из тумана. Марина вздрогнула от неожиданности: вовсе не так по ее представлениям должны вести себя «проводники». Или это какая-то непорочная душа, которая уже направилась в другой мир, но по пути передумала и рванула обратно?

Похоже, это был мужчина. Дымка все еще скрывала лицо, но контуры фигуры с каждым шагом вырисовывались все четче.

– Кто вы?! – крикнул мужчина. – Погодите! Не уходите!

Марина и не думала уходить, потому что сильно растерялась. Но в тот момент, когда она собралась ответить, кто-то будто толкнул ее в грудь. Она полетела назад и... очнулась в кровати.

Сон. Это был сон, похожий на предыдущие тем, что она куда-то шла. Только сегодня Марина увидела кого-то еще, и это вызвало тревогу, будто тот незнакомый мужчина должен был предупредить ее о важном.

В палате горел приглушенный свет, жалюзи оставались припущенными, но утро уже наступило – раннее, по-ноябрьски темное, стылое. Из коридора доносился шум шагов, голосов и катившейся тележки с лекарствами и медицинскими приборами. Значит, скоро войдет медсестра, включит дневные лампы, чтобы измерить пациентке температуру и давление, выдаст первую порцию таблеток. Эта суета в сравнении с той, какой раньше были наполнены дни, казалась Марине ничтожной, но именно эта суматоха каждое утро напоминала, что жизнь течет, а не застыла, как в янтаре.

Марина выпростала из-под одеяла руки, аккуратно развернулась и увидела сидевшего на тумбочке плюшевого зайца. Дотянувшись до игрушки, она прижала ее к себе и улыбнулась. Макс приходил вчера. Жаль, что она опять все проспала. Сон смаривал ее уже ближе к вечеру. Марина засыпала так крепко, что не слышала будильника, который ставила на час, когда должен приехать Макс... Как же обидно: опять не увидела его! Она же отправила ему сообщение с просьбой разбудить!

Прижимая к себе зайца, Марина взяла телефон. Никто за ночь ей не написал, от Макса тоже не оказалось вестей. Он не был любителем слать сообщения и голосовые, Марина это знала, но все равно ощутила горечь. Она слишком по нему соскучилась, и даже то, что Макс сидел с ней, пока она спала, не компенсировало желания услышать его. Марина вздохнула и, собравшись с мыслями, отправила короткое голосовое: поблагодарила за подарок, пожелала доброго утра и легкого дня и снова попросила разбудить ее, если он приедет вечером.

Словно почувствовав удрученное настроение дочери, мама сегодня приехала пораньше, помогла привести себя в порядок и собрала Марину на часовую прогулку. Гулять совсем не хотелось, и не потому, что было ветрено и холодно, а потому, что каждый выезд в больничный двор слишком остро напоминал Марине о ее беспомощности.

Врачи бодро говорили о том, что у нее есть шансы снова встать на ноги, в качестве подтверждения приводили результаты МРТ: все с ее позвоночником в порядке, основной удар пришелся не на спину, а другие травмы не должны были так сильно повлиять на ее способность ходить. Но Марина до сих пор не могла удержаться стоя. Врачи созывали консилиум, утешали близких предположениями, что виной всему пережитая психологическая травма – испуг, шок. Говорили о том, что Марине нужны время, покой и реабилитация в хорошем центре. Маму эти слова приободряли, Марина же, наоборот, все больше погружалась в сомнения, потому что дорогой реабилитационный центр ее семье был не по карману. Да и проще казалось бороться с видимой проблемой – ушибом, переломом, чем с такой скрытой, как «психологическая», травмой.

Возможно, сны с дорогой связаны с ее желанием наконец-то самостоятельно сделать шаг, а туман – это ее страхи, неясные перспективы? Марина очень хотела поговорить о своих снах с Максом, но тогда она бы выдала секрет другого человека, который просил ее молчать об их договоренности.

– Что-то ты притихла, – заметила мама, когда они сделали круг по больничному скверу. Оставалось еще четыре, четыре чертовых круга в этом ограниченном пространстве, которое Марина изучила до рисунков на коре высаженных в сквере лип.

– Думаю, ма. Просто думаю. Ни о чем серьезном.

– Врачи обещают скоро тебя выписать...

– Угу.

Марина не знала, как относиться к этой новости. Домой очень хотелось. Там были ее вещи, родные стены, запахи. Но в то же время Марина боялась возвращения, потому что теперь она другая и знакомая до деталей квартира станет чужой, не приспособленной под ее... невоз-

можности. Сестра Наташа, наоборот, была настроена позитивно, считая, что «психологическая травма» скоро излечится. Марина относилась скептически не столько к словам сестры, сколько к энтузиазму, с которым Наташа бросилась искать психологов.

– Ма, я замерзла. Давай вернемся. Я лучше в зимнем саду посижу, почитаю.

– Ну как скажешь, – нехотя согласилась мама. Она явно считала, что дочери нужен свежий воздух.

Зимним садом громко назывался небольшой холл в конце больничного коридора, в котором стояли два аквариума с рыбками и черепашками, несколько фикусов и пальм в кадках, два автомата с горячими напитками, чипсами, сухариками и шоколадными батончиками.

Марина любила этот уголок – насколько вообще что-то можно было любить в больнице, – за то, что здесь было тихо и безлюдно: доступ в «сад» был только у пациентов из платного отделения. Сюда приходили, но не задерживались, как Марина, только покупали чай, кофе или шоколадку. Деньги за пребывание в одноместной палате внес Макс. Марина узнала об этом не так давно и не от него. Проговорилась Наташа, и со слов сестры выходило, что Макс сам обо всем договорился, перевел свои сбережения и ничего не сказал семье Марины. Это было в его духе – меньше слов, больше действий. Марина не знала, что сказали по этому поводу ее родители. Когда она сама поблагодарила парня, тот ответил что-то невнятное и сменил тему. Марина больше не задавала вопросов, хоть недоговоренность так и осталась между ними. И из-за этой недосказанности в своем духе накручивала себя.

Они ни разу не заговорили о чувствах, между ними не было ничего... романтического, если не считать того единственного объятия за несколько секунд до случившегося. Их отношения могли бы развиваться по нормальному, желаемому Мариной сценарию: встречи, прогулки, кафе-кино, поездка в Питер, их первый поцелуй... Но вышло все так прозаично: Марина в больнице, с «гнездом» из спутанных кудряшек на голове, в домашнем костюме, без макияжа, с ярким следом от зажившей на щеке ссадины. Да еще не может ходить. Нужна ли такая девушка Макс? Что, если он приезжает к ней только из долга, чувства вины? Марина сама понимала, что в сомнениях зашла слишком далеко, и больница – не самое романтическое место, нужно остановиться. Да и Макс в силу характера не отличался разговорчивостью, был задернут на «молнию». Он и так приезжает к ней после работы, привозит цветы, подарки. И это притом, что он сейчас как никогда занят, сильно устает, похудел, осунулся. Что ей еще надо?

Если бы он просто ответил... Позвонил бы, прислал голосовое... Внезапно смартфон в кармане толстовки громко пискнул, Марина торопливо извлекла гаджет, но, увидев имя отправителя, вздохнула. Не Макс.

«Сегодня приеду. Извини, вчера не смог».

«Хорошо. Постараюсь успеть с пробежки», – пошутила она в ответном сообщении и получила смеющийся смайлик.

Марина раскрыла книгу и постаралась сосредоточиться на чтении, но ее отвлек пожилой мужчина, который вышел в холл.

– Да! Слушаю, Валера! – резко проговорил незнакомец в прижатую к уху трубку, и Марина недовольно на него покосилась.

В отличие от других пациентов, мужчина был одет не в пижаму или спортивный костюм, а в бордовый халат, который невольно вызвал воспоминания о первой встрече с шаманом Арсением. Но было что-то еще в незнакомце особенное, что ставило его на ранг выше не только других пациентов, а самой болезни: деловые нотки, которыми он отдавал указания, твердый, как у военного, шаг и расправленные плечи. Марина успела повидать за время нахождения в больнице разные походки: от шаркающих, хромающих, неуверенных, семенящих до торопливых, как у спешивших на помощь медиков. Даже хирурги, цари и боги в этом месте, не печатали шаг так, как этот расхаживающий от одной стены к другой пожилой мужчина. И халат смотрелся на нем величественно, будто королевская мантия.

Незнакомец замолчал, слушая, что ему отвечают, и, видимо, новости ему не понравились, потому что он вскинул подбородок и сжал губы. Марина невольно напряглась, ожидая вспышки гнева, но мужчина оборвал разговор коротким приказом:

– Действуй, Валера. Через час отчитаешься.

Он сунул телефон в карман и быстро провел ладонью по зачесанным назад и слишком длинным для военного волосам. Может, он артист? Или дирижер? Нет, скорее всего, какой-то бизнесмен. Марина спохватилась, что пялится на незнакомца уж слишком неприлично, и опустила взгляд на закрывшуюся книгу.

– Нельзя ни на день оставить без контроля. Бестолочи! – проворчал мужчина, не обращая внимания на Марину, приблизился к аппарату с напитками и придирчиво осмотрел кнопки.

– Капучино, латте... Ерунда какая. Не могли нормальную кофемашину поставить? Скажу Марку...

Его тихое ворчание так резко отличалось от тех деловых интонаций, которыми он до этого вбивал каждое слово, что Марина снова удивленно подняла на мужчину глаза. Теперь перед ней оказался растерянный старик, который беспомощно тыкал в кнопки и пытался засунуть в приемник голд-карту.

– Здесь нужна наличка, – вырвалось у Марины.

Мужчина покосился на нее как на помеху, а затем буркнул:

– Прекрасно! И что, мне теперь без кофе?

Он так обиженно оттопырил нижнюю губу, что Марина невольно улыбнулась: есть у этого старика с генеральской осанкой и приказным голосом свои слабости. Но не успела она что-либо ответить, как мужчина уже развернулся и отправился прочь. Судя по высоко поднятой голове и раздраженному торопливому шагу, он намеревался разнести в пух и прах своим гневом персонал.

Марина торопливо сунула руку в карман и вытащила банкноту, которую держала на всякий случай: бывало, удавалось попросить кого-то помочь купить в аппарате шоколадку или орешки.

– Подождите!

Когда мужчина удивленно оглянулся, Марина протянула ему деньги.

– Возьмите кофе.

Незнакомец с пару секунд сверлил девушку недоверчивым взглядом, а затем его губы тронула улыбка.

– Что ж... Не откажусь! Без утренней дозы кофеина я лютый, а сейчас уже почти время обеда, можете себе представить...

Он взял протянутую банкноту и, тыкая пальцем в кнопки, спросил:

– Вам что-то купить?

– Чай, пожалуйста, – попросила Марина.

Мужчина взял сдачу и два бумажных стаканчика.

– Не возражаете, если я присяду рядом?

– Нет, конечно. Спасибо, – поблагодарила Марина, принимая у него деньги и чай.

– Это вам спасибо! – усмехнулся мужчина, присаживаясь. – Станислав Родионович!

– Марина.

Он кивнул и поднес к губам стаканчик.

Молчание, которое воцарилось, казалось Марине неловким, но затевать разговор она не решалась. С одной стороны, ей было скучно в больнице: стены, коридор, сквер – все уже осточертело. С другой – задавать вопросы первой тоже не казалось приличным. Тем более что мужчина глотал кофе торопливо, насколько это позволял кипяток, и явно не собирался задерживаться. Марина не выпила еще и трети своего чая, как он уже смял пустой стаканчик, но не поднялся, а внезапно развернулся к девушке.

– Что с вами случилось?

Он явно заметил стоявшую в уголке коляску.

– Сбила машина, – нехотя пояснила Марина. – Но все уже... неплохо. Меня скоро выпишут.

Он кивнул, думая о чем-то своем.

– А вы? Что с вами?

– Сердце прихватило. Будь оно неладно. Я считаю, что меня можно уже выписать, а медики думают иначе.

– Наверное, им лучше знать.

– Хм... Хотя с тем, что они запретили мне кофе, я категорически не согласен.

– Ой! – ужаснулась Марина. – Я не знала!

– Не переживайте, я никому не скажу, – подмигнул Станислав Родионович. – Будем считать, что вы спасли от разноса половину персонала, а в гневе, говорят, я страшен. Да и не так вреден для сердца стаканчик слабой бурды, как скандал. Пусть это будет нашим маленьким секретом.

Еще один! Еще один «маленький секрет», который ее попросили никому не открывать. Марина едва удержалась от вздоха. Станислав Родионович тем временем уже поднялся, выкинул смятую картонку в мусорку и улыбнулся:

– Я верну вам долг за кофе.

– Да я не...

– Верну! – твердо пообещал старик и кивнул на лежащую на коленях Марины закрытую книгу. – Ремарк? Хороший выбор! Но немного удручающий для больницы.

– Люблю Ремарка, – не согласилась с улыбкой Марина.

– Я тоже. Правда, нет времени перечитать.

– Так может, сейчас самое время?

Станислав Родионович снова задержал на ней взгляд, а затем улыбнулся.

– Вы правы. Только у меня с собой ни одной книги. А с телефона, как вы, молодежь, я читать не привык.

– Я вам одолжу. С условием, что вернете, – осмелела Марина. Этот пожилой человек стал ей симпатичен, хоть в первый момент вызвал неприязнь.

– Обязательно!

Они условились встретиться в «зимнем саду» в пять вечера, и Станислав Родионович ушел. Марина посмотрела ему вслед, а затем взяла телефон, чтобы позвонить маме.

«Я сегодня могу приехать раньше. Надеюсь, нам никто не мешает», – прочитала она новое сообщение и вздохнула. Снова не от Макса.

Глава 4

Электричка остановилась в нужном поселке. Люсинда сошла на платформу и огляделась. За два года, что она не была в этом месте, мало что изменилось, разве что покрасили единственную лавочку в пожарно-красный цвет.

Помимо Люсинды на станции оказалось лишь два человека: одетый в дутую куртку парень, который спрыгнул с высокой платформы возле первого вагона, и закутанная в платок и пальто женщина. Люсинда натянула на уши вязанную шапочку, спрятала нос в воротник пуховика и первым делом изучила расписание обратных электричек: не попасть бы в перерыв.

Летом здесь бывало многолюдно из-за огородников. Спустившись, они оживленным гуськом тянулись через широкое поле к участкам за рекой. В основном это были женщины в возрасте в сопровождении нагруженных корзинами, ведрами и садовыми инструментами мужей. Молодежь обычно приезжала на дачи на машинах – на отдых с шашлыками, музыкой и обязательным купанием в быстроводной реке. Сейчас же, в хмуром ноябре, картина безлюдностью напоминала постапокалиптическую: по дороге не сновали автомобили, тишина стояла кладбищенская, ветер и тот стих.

Люсинда не рискнула идти через бесконечное поле, пошла по асфальтированной дороге, уводящей в поселок, к скученным в небольшой жилой массив пятиэтажкам. Но, не приблизившись к домам, зашагала по обочине. Вдали на пригорке виднелась церковь, чья голубая маковка тонула в низком свинцовом небе. Люсинда невольно вспомнила то тепло и благодатный покой, в который окуналась каждый раз, когда входила внутрь. Ей нестерпимо захотелось свернуть на тропу, подняться на горку и зайти в пропахшее ладаном и воском помещение. Батюшка ее бы и не вспомнил, потому что Люсинда никогда тут не причащалась. Заходила поставить свечи за здоровье, мысленно обратиться к святым и быстро уходила, пока кто-нибудь не завязывал с ней разговор. Может, заглянуть на обратном пути?.. Отогреться не столько от внешнего холода, сколько от душевного? Она тряхнула головой, прогоняя едва всколыхнувшиеся воспоминания. Хватит. Ей и так оказалось сложно решиться на звонок и напроситься в гости к человеку, к которому она за два года ни разу не приехала. Люсинда крепче сжала в озябших пальцах ручки пакета, в котором везла столичные гостинцы, а вторую руку сунула в карман. Опять проворонила перчатки... Она их постоянно то забывала, то теряла, потому что больше никому было о ней заботиться.

Мост, на котором она обычно задерживалась, сейчас Люсинда прошла торопливо, старательно не глядя в свинцовые воды на длинные стебли водорослей. Поворот – и церковь возникла совсем рядом. «Ба-ам!» – разнесся приветственный гул, распоровший утреннее безмолвие.

– И тебе здравствуй, – пробормотала Люсинда.

Она миновала поселковое кладбище, отметив про себя, что то расширилось, как разросся и коттеджный поселок. Когда-то земля здесь была нарезана на равные квадраты и роздана в аренду огородникам, а оставшуюся часть занимали бесконечные луга со змеившейся по ним речкой. Но столица выдавливала из себя, как пасту из тюбика, население. Стало модно селиться за городом в экологически чистых районах. Цены на землю взлетели до небес. Участки выгодно продали под строительство. Реку вогнали в бетонные берега, усмирили скобами-мостами. А на вольных лугах захватнически выросли уродливые башни вычурных коттеджей, которые будто возводились с единственной целью – перещеголять соседские в количестве этажей и высоте заборов. Этот элитный поселок, своеобразная ярмарка тщеславия и безвкусицы, разительно отличался от места, куда направлялась Люсинда.

Когда-то частный сектор, который только чудом не продали, не разорили, считался дачным. Здесь поселялась на лето другая, советская, элита, представленная в основном деятелями

искусства и их семьями. Одноэтажные домики в сравнении с современными коттеджами казались маленькими и простыми, как избышки, но в них сохранилась какая-то бесценная гордость, атмосферность. Может, потому что старые, но добротные домики каждой порою впитали ведущиеся в них разговоры о литературе. В их стенах рождались и воплощались в жизнь гениальные идеи и разыгрывались чеховские драмы.

Еще издали Люсинда услышала хриплый знакомый лай и, несмотря на волнение, с облегчением улыбнулась: жива старушка Пепперони, значит, не все еще в этом мире – ее личном мире – пошатнулось. Люсинда крепче сжала ручки пакета: как хорошо, что купила гостинец и собаке. Только вот узнает ли ее Пепперони после двухлетней разлуки?

Узнала. Заскулила, заюлила, громко стуча хвостом по плиткам дорожки, попыталась подпрыгнуть на кривых коротких лапах так высоко, чтобы через калитку дотянуться розовым языком до щеки Люсинды.

– Ну-ну, Пеппи! Дай гостье пройти, – раздался с крыльца хриловатый прокуренный голос хозяина. – Соскучилась, чертовка!

И не понятно было, к кому отнеслась последняя фраза – к собаке или Люсинде. Потому что «чертовкой», помнится, звал мужчину их обоих.

Едва Люсинда вошла, как оказалась в плену сходящей с ума от радости Пепперони. Или собака – в ее плену, потому что Люсинда тут же подхватила псину на руки и прижала к себе. От рыжей свалывшейся шерсти пахло табачным дымом, пледом и воспоминаниями, от которых на глаза едва не навернулись слезы. Не нужно было сюда приезжать! Если бы не задание Макса...

– Ну, проходи, проходи, – пригласил хозяин, пряча улыбку в густую седую бороду, подстриженную аккуратно, как в модном барбер-шопе. – Если хочешь, неси Пепку в дом.

– Здесь гостинцы. Вам с Пеппи, – кивнула Люсинда на стоящий у ее ног пакет, потому что руки были заняты наконец-то успокоившейся в ее объятиях собакой.

– За гостинцы Пеппи спасибо! Она как ребенок, любит, когда ее балуют. А я бы обошелся. Но благодарю. Что там? Чай, пряники?

– Конфеты и так, по мелочи. Нарезки всякие, печенье. И табак.

– Вот за табак отдельное спасибо!

В доме было уютно, тепло, пахло дровяным дымом и яблочной шарлоткой. Люсинда спустила с рук собаку, зажмурилась и улыбнулась. Ну и пусть потом она проведет ночь, баюкая стонущее от боли сердце, а сейчас ей хорошо!

– Шарлотка! От дяди Паши...

– Испек к твоему приезду. Сейчас будем чай пить, – отозвался хозяин, за нарочитым ворчанием пряча смущение и радость. – Не знаю, как получилась. Давно не пек. Вот как ты перестала приезжать, так я и не включал духовку.

Люсинда ничего не ответила, раскрыла пакет и принялась разбирать гостинцы. Пепперони вертелась у ее ног, виляла длинным хвостом, похожим на перо, и скалила выпирающие зубы.

– Дядь Паш, могу я ее угостить?

– А отчего не можешь? – одобрил хозяин, снимая с огня чайник. – Если мы с тобой сейчас тоже угощаться будем и вопросничать.

Люсинда невольно улыбнулась, услышав знакомое словечко. Напряжение, возникшее в первое мгновение, таяло, как растворялась за окном утренняя дымка.

– Тебе, как обычно, с одной ложкой сахара?

– Угу.

Люсинда выложила в мисочку паштет, вымыла руки и подхватила составленные с полки две кружки. Все те же, когда-то подаренные ею... Где-то должна быть и третья. Сохранил ли ее дядя Паша?

– Где ты сейчас? – задал хозяин вопрос, правильно и деликатно его сформулировав. Не «как ты», а где.

– Работаю. Наконец-то нашла применение своим способностям, – нарочито легко ответила Люсинда, переставляя с кухонного стола на обеденный блюдо с румяной шарлоткой. – М-м, выглядит аппетитно!

– Надеюсь, вкусно. Рассказывай про работу.

Люсинда сделала неопределенный жест.

– Даже не знаю, как объяснить. В общем, собрался небольшой коллектив из таких же, как я. Кому-то наши услуги оказываются нужными.

– Понятно, – после недолгой паузы, в которую сверлил Люсинду внимательным взглядом серых глаз, ответил дядя Паша. – Хоть ничего не понятно. Надеюсь, пояснишь. Ты ведь ко мне по делу?

– Ну... – смутилась Люсинда.

– Не ври, что соскучилась, – усмехнулся хозяин. – Никогда не умела, поздно учиться.

– На самом деле я по вам очень скучала, дядя Паша, но не находила в себе сил приехать. Тут все слишком напоминает о счастье. Даже эти кружки. Шарлотка...

– Ну-ну, девочка, не вешай нос! Я ж не сержусь! Все понимаю. Мы ж оба с тобой сиротели. Но не будем скулить. Это Пепкина привилегия – подвывать. Давай рассказывай, что у тебя за дело!

Люсинда обрадованно засуетилась: вытащила из рюкзака планшет, включила и открыла полученные от Макса фотографии картины.

Дядя Паша надел очки. И, пока он рассматривал снимки, Люсинда кратко обрисовала ситуацию. Во время рассказа она бросала на старого знакомого незаметные взгляды. Ей было приятно видеть, что дядя Паша почти не изменился: все такой же худощавый и поджарый, с густой шапкой седых волос. Разве что морщины на смуглом лбу стали глубже.

– Я поузнаваю, конечно, – произнес мужчина. – Но ничего не обещаю. Этот художник, похоже, самоучка, любитель. Вряд ли он где-то выставлялся. Мне бы саму картину увидеть.

– Я поговорю с коллегой. Думаю, проблем не будет.

– Перешли мне снимки, – попросил дядя Паша, возвращая Люсинде планшет. – Рассмотрю позже. Аллея эта мне отчего-то знакома. Может, у кого-то ее и видел... Что, если этот любитель скопировал чью-то картину?.. Подлей-ка нам еще чайку, Люси! И шарлотку ешь. Вкусная хоть?

– Очень! – искренне похвалила она, захватила чашки и скрылась на кухне. Дремавшая у ее ног Пепперони тут же встрепенулась и устремилась следом.

– Что тебе, Пеппи? – ласково обратилась к собаке Люсинда и почесала ту за ухом.

– Паштет ей больше не давай! У нее диета! Хоть Пепка, конечно, с ветеринаром не согласна!

– Слышала, Пеппи? Больше нельзя! Не клянчи, пожалуйста.

Пока грелся чайник, Люсинда вымыла чашки и налила свежей заварки. Затем, прислонившись к разделочному столу, обвела взглядом кухню. Все тут оставалось как прежде: белая занавеска в мелкий цветочек на окне, полки из натурального дерева с начищенными до блеска кастрюлями, покрытые лаком декоративные досочки, развешанные на стенах. Казалось, уют в этой комнате наводила женщина, но дядя Паша жил один. Люсинда знала, что когда-то в молодости он был женат, потом у него была подруга, но век мужчина доживал в обществе Пеппи.

Задумавшись, Люсинда не сразу заметила, что из носика чайника валит густой пар. Быстро разлив кипяток по кружкам, она бросила взгляд на часы и решила про себя, что задержится еще на полчаса – не больше. Столько нужно, чтобы неторопливо выпить кружку обжигающего чая и съесть еще один кусок яблочного пирога.

– Я вот все об этой аллее думаю, – пробормотал дядя Паша. – Думаю, у кого же ваш доморощенный гений ее слямзил...

– Значит, вы считаете, что картина скопирована?

– Не могу утверждать. Давай я посмотрю на нее лично. Договорись там со своими ребятами. А я пока поищу, что могу.

– Спасибо, дядя Паша!

– Да я пока еще ничего не...

– За прием спасибо. За яблочный пирог.

– Да как я еще тебя должен был встретить, чертовку? – улыбнулся мужчина, но его глаза увлажнились. Будто смутившись эмоцией, он встал и куда-то вышел. Вернулся с небольшой коробочкой в руках.

– Я же забыл отдать это. Откроешь дома. Не здесь и не у себя на работе. Договорились?

– Угу, – обескураженно произнесла Люсинда, но, хоть ее точило любопытство, расспрашивать не стала. Дядя Паша все равно не ответит: раз сказал, чтобы открыла дома, значит, так надо.

– И остатки шарлотки заberi. Мне ни к чему. Коллег своих угостишь. Заberi и даже не спорь!

– И не собиралась, – мягко улыбнулась Люсинда.

Хозяин принес из кухни пластиковый контейнер.

– Я видел новость про Гвоздовского, – сказал он как бы между прочим, складывая остатки пирога для гостии. Люсинда ничего не ответила.

– Может, тебе стоит...

– Дядя Паша, мне уже пора, – решительно перебила она. – Опоздаю на электричку и застряну на станции надолго.

– Если опоздаешь, ко мне вернешься. С Марком тоже не общаешься? У вас с ним отношения вроде были неплохие.

Люсинда неопределенно пожала плечами, и дядя Паша тяжело вздохнул.

– Ладно, ладно. Не лезу. Беги, не опоздай! И это... Помни, что у тебя здесь всегда дом.

– Помню, – улыбнулась Люсинда. – Спасибо вам за все!

– Созвонимся, – лаконично попрощался мужчина.

Уходила Люсинда в смешанных чувствах. Воспоминания не атаковали ее, как она опасалась, грусть тоже не оплела душу больше, чем было. Просто что-то ныло внутри, и это что-то одновременно гнало подальше от дома, который она продолжала считать родным, и тянуло назад. Ей нестерпимо вдруг захотелось развернуться и броситься бегом – в объятия дяди Паши, растопить, наконец, в тепле его маленького дома тот ледяной камень, в который спеклась ее душа, и с облегчением разрыдаться. Но она только стиснула зубы и прибавила шаг. Порыв ветра толкнул в грудь, будто не пуская на мост. Люсинда наклонила голову, упрямо боднула плотный холодный воздух и выпрямилась только тогда, когда мост оказался позади. Справа возникло кладбище с безвкусыными, как и коттеджи, монументами, плитами, стелами. Люсинда машинально подумала, что обитатели этого мертвого города и после смерти продолжают выпендриваться перед соседями, чей памятник окажется круче. Она прошла еще несколько шагов, а потом, ошпаренная догадкой, резко остановилась. Недаром ей показалось, что кладбище будто разрослось. Раньше оно было небольшим, старым. Кресты на нем были простые. А теперь первые могилы заслоняли новые памятники.

– Господи, – пробормотала Люсинда и словно иллюстрацией к своим мыслям увидела молодую женщину, одетую полностью в черное. Женщина стояла на коленях возле свежей могилы и наманикюренными пальчиками сажала цветы. Повинуясь непонятному порыву, Люсинда свернула к погосту, прошла мимо не обратившей на нее внимания женщины, и бросила взгляд на даты на памятнике. Тридцатилетний мужчина. Женщина, убирающая его

могилу, похоже, была его вдовой. Люсинда медленно прошла по дорожке. Конечно, встречались и могилы стариков: здесь хоронили жителей не одного ближайшего поселка и деревень. Но ее ужаснуло количество вычурных памятников, с фотографий на которых взирали молодые мужчины. Что за мор тут приключился? Судя по последним датам, смерть разгулялась тут в последние два года. Надо бы спросить дядю Пашу, что случилось... Что-то в этом поселке происходило. И с этим чем-то их команда могла бы справиться.

Глава 5

К Виктории Макс отправился не один, а попросил приехать к девяти и Геру. Коллега ожидаемо прибыл с Лидой, но это было только на руку. Пока Гера с Максом читали с ноутбука электронные письма, количество которых к утру увеличилось, Лида успокаивала Victорию.

Все послания были односложными и будто кричали о помощи. «Я здесь!», «Тут темно!», «И сыро», «Туман!», «Кто-то есть!», «Я хочу выйти!», «Помоги». Только в одном письме адресат попросил беречь себя и будущего ребенка, упомянув его имя. Виктория пояснила, что они с мужем решили назвать сына Сережей. Она была уверена, что письма отправил Саша, но Гера допускал, что почту взломали.

Когда коллега погрузился в лишь ему понятные архивы, Макс подошел к картине и осторожно коснулся пальцами белесого места. Зачем Александр удалил силуэт? Что его напугало? Чем дольше Макс всматривался в пятно, тем больше казалось, что оно образовалось не от затертости. Может, художник изначально так задумал – как отблеск пробивающегося сквозь листву света?

– Здесь была фигура, – Макс вздрогнул от тихого голоса прямо за спиной: Виктория, несмотря на отяжелевшую походку, подошла чересчур тихо. – Я не понимаю, куда она исчезла.

– На видео есть момент, как ваш муж что-то затирает.

– Да, знаю... Вы вчера об этом сказали. Но у нас в доме нет растворителя. Даже жидкости для снятия лака, – грустно усмехнулась женщина и, будто в ее словах могли усомниться, показала руки. – Видите, я не крашу ногти.

Макс ничего не ответил. Заметив, что Лида с Герой о чем-то переговариваются, подошел к ним.

– Мы уже закончили, – отрапортовал коллега.

– Это Саша писал? – с надеждой спросила Виктория.

– Пока не могу сказать. Хочу кое-что проверить, – уклончиво ответил Гера.

– Я позвоню вам, – сказал Макс, обращаясь к женщине. – Сообщите о письмах и видео тем, кто официально занимается поисками вашего мужа.

– Хорошо, – после небольшой заминки ответила Виктория. – Но вы за это дело беретесь?

– Да, я привез договор.

– Я сегодня же внесу аванс! Пожалуйста, скажите, что вы сможете помочь найти Сашу!

Макс помедлил, ему не хотелось давать ложных обещаний. Во что они ввязываются? Во что ввязался он...

– Мы постараемся! – пришла на выручку Лида. – Сделаем все, что в наших силах. Но не забывайте про полицию.

В агентство возвращались порознь: сотрудники на машине, Макс – на мотоцикле, поэтому по дороге не удалось поговорить. В офисе Гера сказал, что следов взлома не видит, но хочет все проверить, и закрылся у себя. Лида сунулась за ним, но Макс окликнул ее – не столько потому, что она бы отвлекла от работы Геру, сколько ради разговора.

С тех пор, как сбылись предсказания, Макс решил, что не будет рисковать командой, если Лида увидит опасность. Но коллега в ответ на его вопрос с усмешкой качнула головой.

– Макс, если ты еще не понял: любое наше дело опасно! Мы сталкиваемся с тем, что не видят обычные люди. Даже если решим больше не влезать в расследования, а заниматься привычным «клинингом», все равно можем встретиться с агрессивной сущностью или мстительным призраком. Мы не в состоянии удалить, как ненужные файлы, наши особенности!

Лида грациозно повела плечом и, медленно пройдясь по кабинету, остановилась возле шкафа с книгами. Провела пальцем по корешкам и вытащила один из томов.

– Но в тот раз ты буквально кричала о том, что нужно прекратить расследование! Что это помогло бы избежать беды.

Лида с заметным раздражением сунула книгу на место и развернулась.

– Возможно, мое предсказание напрямую адресовалось Сергею Степановичу. Если бы он принял решение отказаться от дела, мы бы на какой-то период замерли, окуклились и остались на привычном уровне. Но это не значит, что нас бы не огрело потом другими событиями, которые оказались бы хуже, потому что нам нужно было пройти трансформацию. Изменения были бы менее болезненны, если бы Сергей Степанович изначально раскрыл все карты. Тогда бы мы понимали, с кем нам предстоит сразиться.

– Трансформация, новый уровень... Это тебя шаман покусал?

– Я сама кого угодно покусую! А что касается этого дела... Я не увидела похожей опасности, как в тот раз. Нашим жизням пока ничто не угрожает. Мы можем за него взяться. Только, пожалуйста, не скрывай от нас ничего, как Степаныч. Помни, к чему приводит утаивание секретов. Мы – твоя команда. А для кого-то команда – семья.

Голос Лиды дрогнул, и Макса обожгло воспоминаниями о предпоследнем разговоре с Сергеем Степановичем. Шеф упомянул, что у Лиды никогда не было семьи. Похоже, она впервые призналась, что коллеги настолько для нее дороги. Только вот пронизательная Лида снова попала в больное место. Догадывается ли она о том, что Макс от всех скрыл? В ее словах ему послышался упрек. И те две долгие секунды, что Лида не сводила с него взгляда, он чувствовал себя будто под дулом пистолета. Нажмет ли Лида на курок, расстреляет обвинениями? Или помилует – до поры до времени?

– Хорошо, Лида, – первым нарушил Макс паузу. Губы девушки тронула улыбка, но в глазах будто мелькнуло разочарование. Или ему под гнетом тайны только показалось, что коллега пыталась вывести его на откровенный разговор?

– Макс... Не забывай о том, что я сказала. Это очень важно.

Она еще раз оглянулась на него, прежде чем выйти.

Макс откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Пульсация в висках грозила превратиться в мучительную мигрень и выбить на сутки из рабочего состояния. Посоветоваться бы... Но с кем? С шаманом? Арсений в их команде работал всего две недели, и Макс еще не присмотрелся к нему. Стоит ли доверять новичку? Не вытащит ли он однажды, как припрятанный козырь, секрет, чтобы потребовать что-то помимо трудоустройства в агентство?

Ох, не с той ноги Макс шагнул в новую жизнь! Упрекал Сергея Степановича, что тот умолчал о важных вещах, а теперь повторяет ту же ошибку. Но если бы дело касалось только его, Макс нашел бы возможность объясниться с коллегами.

Он открыл глаза, откатился на кресле к шкафу и вытащил том, который, будто проклятый, каждый раз переставлял на новое место, но все равно моментально отыскивал. В честь этой книги было названо их новорожденное агентство «Мистерио», потому что она спасла Марину.

За два с половиной месяца, минувшие с августа, Макс столько раз перечитывал описание сложного ритуала, что всерьез стал опасаться, как бы в книге не образовался залом на этих страницах. Тогда кто-то из наблюдательных коллег поймет, в чем дело.

Команда считала, что их любимый шеф умер от сердечного приступа, хоть он уже и шел на поправку. И только Макс с Арсением знали, что случилось на самом деле. Их первое серьезное расследование закончилось несчастьем, Марина умирала и ничто не могло ей помочь. Тогда Сергей Степанович, который объездил полмира и собрал библиотеку из редких томов, пошел на отчаянный шаг – ритуал, в котором одну душу можно обменять на другую. И хоть предложение исходило от шефа, а шаман был исполнителем, проводником, согласие на проведение ритуала дал Макс. Без этого ничего бы не случилось: кто-то должен был взять на себя ответственность, а потом вернуть проводнику долг. Макс пытался оправдать себя тем,

что в момент, когда он решился на такой шаг, не знал деталей. Но факт оставался фактом: он позволил одному человеку умереть ради того, чтобы выжил другой. Отдал жизнь Сергея Степановича за жизнь Марины. Смерть Степаныча выбила у коллег из-под ног и без того пошатнувшуюся почву, они лишились не только любимого шефа, но и дела. А все потому, что Макс выбрал Марину.

Но поступил бы он иначе, если бы знал подробности ритуала изначально? Вряд ли, потому что вспыхнувшие чувства обещали кардинально изменить его жизнь, вкус к которой Макс потерял много лет назад. С Мариной его черно-белые дни, вымороженные кладбищенским холодом, раскрасились бы в цвета и наполнились теплом, в его жизнь наконец заглянуло бы солнце. Макс выбрал девушку, думая, что спасает жизнь ей. И лишь потом понял, что на самом деле вытаскивал себя, потому что с Мариной умерла бы та его часть, которую он едва успел обрести.

Но согласилась бы она сама на такую жизнь – с физической болью, без возможности ходить, с неясными прогнозами? В какую ядреную смесь сольются пребывание Марины на границе с миром мертвых с талантами рунолога и шамана-целителя, которые Арсений и Сергей Степанович, возвращая девушку к жизни, частично вложили в нее? Как отразится на Марине сам ритуал, последствия которого непредсказуемы и еще могут проявиться? В описании было предупреждение, что выжившему придется пожертвовать чем-то дорогим, что раньше составляло опору в жизни. Опора... Не расплатилась ли Марина за свое возвращение способностью ходить?

Вдруг она всю жизнь будет жалеть о том, что не умерла, как ей предназначалось, а оказалась «награжденной» каким-то страшным даром, как случилось когда-то с Максом, да еще без возможности ходить? Возненавидит ли Макса, как он в момент отчаяния – Сергея Степановича?

Вопросы, одни вопросы, ответы на которые он искал, всматриваясь в лицо Марины, в каждый ее жест, вслушиваясь в ее рассказы, и не находил.

Лида потребовала от него невозможного. Макс не забыл, что их первое расследование закончилось трагедией именно потому, что Сергею Степановичу не хватило духу открыть команде свои секреты. Но как рассказать обо всем сейчас, когда Марина в больнице, а агентство существует недолго и еще не успело встать на ноги? Впрочем, Сергей Степанович тоже ждал удобного момента и не нашел. Вдруг и молчание Макса когда-нибудь обернется роковой ошибкой?

– Бро! Ты что, оглох?

Дверь распахнулась так неожиданно, что Макс выронил из рук талмуд.

– Ты кем там зачитался? Кингом? – с иронией поинтересовался Гера, заходя без разрешения в кабинет.

– Тут история похлеще Кинга, – отозвался Макс, поднимая с полу том и поспешно возвращая его на место. – Искал что-то про... картины.

– Так это к Люсинделле! Она, кстати, приехала, потому мы тебя и зовем! А ты глухого включил.

– Действительно, Гера, как это я тебя не услышал? – усмехнулся Макс. – Обычно ты аж до улицы трубишь.

– Это потому, что тебя звала Лида. У меня рот был занят шарлоткой. Люсиндача ее откуда-то притаранила. Очень вкусно! Иди, пока девушки все не съели.

– Девушки? – усомнился Макс. Лида вечно сидела на диете, а Люсинда из сладкого предпочитала шоколад. Зато у Геры желудок был бездонный.

– Ну, там шаман вокруг стола ходит. Наверное, пытается вызвать яблочный дух. Это ж рехнуться – перед каждым обедом проводить ритуал!

Макс содрогнулся, услышав слово «ритуал». Конечно, коллега попал в точку не специально. Да и насчет шамана он сильно преувеличил: Арсений хоть и вел себя иногда чудно, над едой не совершал никаких пассов. Впрочем, с недавних пор шаман куда-то уезжал на обед – может, потому и отсутствовал по два-три часа, потому что вначале тряс над тарелкой бусами?

Впрочем, Макс не препятствовал тому, чтобы шамана в обеденное время не было, потому что с работой Арсений справлялся лучше некуда, а потом еще засиживался допоздна.

– Что у тебя там с письмами, которые получила Виктория? – сменил он тему.

– А ничего! – воскликнул Гера. – Ящик не взломали. Мэйлы слал тот, кто вошел по паролю. Я попытался узнать, откуда территориально отправлялись сообщения, но такого провайдера не существует. Может, писал призрак с того света? Тогда это по твоей части!

Макс вздохнул и почесал переносицу. Он решительно не понимал, что делать с этими странными письмами. Была надежда, что Гера что-то прояснит, а все только запутывалось. Впрочем, если ящик никто не взломал, шанс, что мэйлы Виктории отправлял ее муж, повышался. Куда пропал этот Саша? В какую историю влип, раз, возможно, просит о помощи? Хоть бы Виктория не стала скрывать сообщения от полиции! Вдруг она решила полностью переложить поиски на плечи агентства?

– А твои замеры? Там показатели разнятся.

– Но не критично. Люсиндок тоже ничего странного не почувствовала.

– Надо бы повторить осмотр, вдруг что-то изменилось. Ладно, я сейчас к вам приду. Попроси остальных не расходиться. Или пригласи всех сюда.

– Давай лучше на кухне, – ухмыльнулся Гера. – Там кофе и яблочный пирог.

Коллега ушел, а Макс ненадолго задержался, чтобы настроиться на нужную волну. Ему было непривычно ощущать себя в роли босса: будто примерил не по меркам сшитый костюм. Агентство он создал потому, что на этом настаивала Люсинда. Коллеги были выбиты из привычной жизни смертью шефа, не знали, как быть дальше, потому что вместе с «клининговой компанией» «Чистота и уют» лишились пристанища.

Макса не просто дожидались на кухне, но и оставили ему целых два куска шарлотки, сделали кофе, такой, как он любил, – черный и без сахара. Команда понимала, что ему непросто, и, как могла, помогала.

Макс поблагодарил за угощение и взял кружку. Гера прижался плечом к холодильнику, Лида ожидаемо притулилась к жениху. Люсинда осталась стоять возле стола, шаман отошел к окну и скрестил на груди руки. Макс оказался в центре – как на сцене. Помощь помощью, но решений все же ждали от него.

Он кратко рассказал о визите к Виктории, передал слово Гере, затем Лиде. А когда те закончили докладывать, объявил, что к расследованию приступают официально.

– Пусть шаман проведет ритуал благословения, – съязвил Гера, за что получил тычок в бок от своей невесты.

– А моего «благословения» тебе недостаточно? Сказала же, что не увидела для нас опасности.

Арсений, одетый сегодня в костюм темно-серой расцветки и розовую рубашку, промолчал. Во время собрания он наблюдал за парой. Иногда улыбался своим мыслям, а иногда чуть качал головой, словно с чем-то не соглашаясь. Макс один раз даже недовольно покосился на него, решив, что Арсений витает в облаках.

Дабы не развилась перепалка, Макс попросил отчитаться Люсинду. Напарница, глядя в сторону, пробубнила, что ездила к человеку, который может раздобыть информацию о художнике.

– Шарлотка от твоего знакомого? – тут же поинтересовался Гера. Люсинда не удостоила его ответом.

– Макс, нужно почаще снаряжать Люсиндаль в разведку! Смотри, какая она добытчица!

– Тебе бы лишь поесть! – съязвила Лида.

– А что тебя удивляет, радость моя? Знаешь же, за кого выходишь замуж! Учти, на диету я не сяду!

Гера вроде и говорил весело, но в его тоне просквозило легкое раздражение. Шаман вскинул бровь и улыбнулся, будто реакция Геры соответствовала его ожиданиям. Лида же что-то прошипела и отодвинулась.

– Макс, мой знакомый хочет увидеть картину лично. Это возможно?

– Думаю, что да. После собрания позвоню Виктории.

– Он живет за городом. И уже в возрасте.

– Понял. Приедем за ним.

– Ты на мотоцикле? – усомнился Гера и, прежде чем получил ответ, добавил:

– Макс, нам надо что-то решить с транспортом! Моя старушка готова служить верой и правдой, тем более что ты и бензин включил в офисные расходы, но нам нужна еще одна тачка.

– И что ты предлагаешь? – вскинул брови Макс. – Поручить Арсению вместе с канцелярией заказать машину?

– Можем пользоваться моей, – впервые за все собрание нарушил молчание шаман.

– На твоём кабриолете только по курортам разъезжать и девчонок кадрить! Я о серьезной тачке, в которой хоть на кладбище, хоть на заброшенную фабрику.

Лида возмущенно сверкнула глазами, обидевшись за машину Арсения, которая стояла как дом, и открыла рот, чтобы резко осадить Геру. Но шаман и тут не потерял самообладания.

– У меня есть внедорожник. Виктор мне оставил.

– Не тот ли, который вначале Макса, а потом Маринку уделал?

– Да что с тобой сегодня! – взорвалась Лида.

– Со мной ничего! Решаю насущные вопросы! – неожиданно огрызнулся Гера. Макс качнул головой, недовольный тем, что отношения в паре обострились. Лида и раньше всячески задевала Геру, но тот обычно отшучивался – не всегда удачно, но не нападал на подругу. Макс собрался было вмешаться, но его опередил Арсений. Мягко улыбнувшись Лиде, будто поблагодарив за поддержку, шаман развернулся к Гере.

– Нет, это не тот джип, который замешан в преступлении. Я бы не принял такой подарок! Но тему ты поднял правильную, Гера. Я поставлю свой кабриолет в гараж и буду пользоваться внедорожником. В нем хоть на кладбище, хоть в болота, хоть еще куда.

Но, однако, его ответ не успокоил коллегу. Гера насупился и скрестил на груди руки.

– Значит, решено, – поспешил закрыть тему Макс. – Расходы на бензин агентство тоже берет на себя.

– Не стоит, – качнул головой Арсений. – У агентства много трат. А мне только в радость будет участвовать в расследованиях.

С этими словами шаман будто невзначай покосился на Люсинду. Но она не заметила его взгляда, потому что смотрела в угол кухни, будто разглядела там что-то интересное.

– Я сегодня договорюсь с Викторией, – повторил Макс. – Люси, свяжешься с твоим знакомым?

– Без проблем, – без эмоций ответила она, все так же пялясь в угол. – Макс, еще одна тема. Там, куда я ездила, происходит что-то странное. На кладбище много новых могил молодых мужчин. Может, заодно посмотрим, что там?

– Звучит интересно! – оживился Гера. Но его тут же осекла Лида:

– И как ты представляешь визит Макса на кладбище сейчас? Он уязвим. Я делаю все, что могу, но мои защиты на Максе разваливаются.

– Он просто не подвластен твоим чарам! Заморозился в склепах! – ухмыльнулся Гера, вновь становясь тем, к кому привыкли коллеги.

– Я о серьезном, а ты шута включил!

– Лида, думаю, я справлюсь, – вмешался Макс и проследил за взглядом Люсинды, пытаюсь понять, что так долго удерживало ее внимание. Паук. Ее, похоже, все собрание интересовал паук! Как Сергей Степанович выдерживал их всех?

– У нас с Люси возникли кое-какие догадки. Кажется, я понял причину. Лида, после собрания займись защитой, я загляну к тебе и поясню, в чем дело. Гера, ты постарайся пробить этого странного провайдера, выдели мне на плане места в квартире Виктории, в которых показатели отличаются. И еще узнай все, что можно, про интернет-магазин, продавший картину. Люси, ты посмотри новые заявки. Арсений, тебя отпускаю на обед пораньше, как ты и попросил. А у меня через четверть часа встреча.

Ему подумалось, что коллеги начнут любопытствовать, с кем он собрался увидеться – как было раньше. Но, видимо, они приняли для себя решение относиться к Максиму не как к коллеге, а как к начальству.

Когда он после небольшого разговора с Лидой вернулся в кабинет, его телефон, оставленный на столе, уже маячил световыми оповещениями.

«Это Алиса. Все остается в силе?»

«Я уже на месте. Придешь?»

Макс сверился с часами: опаздывал на пять минут. Он быстро написал ответ, выключил компьютер и вышел из офиса.

Алиса Грачева, которую они с командой вызволили из плена в августе, объявилась две недели назад и сказала, что поможет Максиму отыскать их сбегавшего врага. Команда знала того под именем Ивана Темного, но Сергей Степанович предупредил Макса, что этот человек может скрываться под другими именами. Бывший шеф когда-то слышал о нем как о колдуне Шамиле.

От действий Темного летом пострадала и Алиса, которую негодяй не только удерживал в заложницах и использовал в своем преступном деле, но и оставил мучительно умирать. Если бы не Марина, Алиса бы погибла.

Макс подавил вздох и замешкался, решая, позвонить Марине сейчас или после встречи? У нее по графику должны были быть осмотр и обед. Значит, лучше не отвлекать. Выходя из офиса, Макс подумал, что, может, съездить к ней, не дожидаясь вечера, сразу после встречи с Грачевой.

До кафе было минуты три ходьбы. Макс вошел, на ходу снимая куртку, и сразу заметил Алису.

Когда он увидел ее впервые вживую, пленница была слишком изможденной, грязной, слабой. Сейчас же из-за столика поднялась привлекательная стройная девушка, одетая в стильные джинсы и укороченный белый свитерок. Алиса откинула за спину длинные темные волосы, вернувшие гляцевый блеск, и улыбнулась. Красивая и юная. Как хорошо, что они успели ее спасти!

И, видимо, в порыве благодарности Алиса бросилась ему навстречу и обняла. Макса обдало духами – резкими и для утра, и для возраста девушки. Он неловко сжал Алису в объятиях и тут же отстранился.

– Привет.

Грачева сияла улыбкой, как фотомодель в рекламе зубной пасты, и то и дело поправляла гладкие волосы.

– Что будешь? – спросил Макс.

– М-м-м... А что посоветуешь? – кокетливо спросила она и закусила нижнюю губу.

– Смотря что ты любишь. Тут все вкусно.

– А ты что закажешь? – поинтересовалась Алиса.

– Минералку. Я ненадолго. У меня скоро еще одна встреча.

Задерживаться ему не хотелось, потому что он торопился к Марине. Лучше перекусит после того, как ее увидит.

– Ладно, – заметно огорчилась Алиса, пролистала меню и остановила выбор на соке. Макс сделал заказ и сразу перешел к делу:

– Так что там с Темным?

– Он вернулся в город, – сказала Алиса и заправила за ухо прядь.

– Откуда знаешь?

– Один знакомый возвращается в музыкальных кругах и услышал, что Иван Темный вернулся из длительной якобы командировки.

– Значит, это просто слух.

– Это правда! – обиделась Алиса. – Я доверяю моему знакомому!

– Но он лично не видел Темного, так ведь?

Грачева понуро кивнула. Ее радость погасла так заметно, что Макс пожалел девушку. Ну что он, в самом деле? Алису чуть не убили. Наверняка она теперь по улицам ходит с оглядкой. И если Темный действительно вернулся в город, ей может угрожать опасность.

– Спасибо, Алиса. Это действительно важно.

– Ты ему отомстишь? Ты ведь для этого его разыскиваешь?

– Нет, – ответил, к ее явному разочарованию, Макс сразу на оба вопроса.

– Тогда зачем...

– Мне нужно знать о его возвращении, потому что Темный один раз уже сделал нас пешками в своей игре. Тебе тоже нужно быть осторожной. Ты слишком много знаешь.

Алиса громко хмыкнула – то ли от разочарования, то ли выказывая пренебрежение к опасности.

– Если ты не собираешься ему мстить, это сделаю я! После того, что он со мной сделал, после того как по его вине погиб мой парень, думаешь, я смогу жить спокойно, зная, что это чудовище осталось безнаказанным?

– Алиса... – Макс уже был не рад, что согласился на встречу с Грачевой. Почему не настоял на телефонном разговоре? С одной стороны, он понимал желание девушки наказать негодяя. С другой, Алиса, похоже, не понимала масштаба опасности.

– Его нужно остановить!

– Алиса, я не собираюсь преследовать Темного. А вот предупредить моих коллег о его возвращении считаю необходимым. Так что твоя помощь оказалась действительно ценной.

– Какой ты... – с обидой протянула Грачева. – А я еще собиралась попроситься к тебе в агентство на работу! Думала, что мы вместе спасем других от этого монстра!

– Алиса, не додумывай за меня то, чего я не говорил. И вакансий в агентстве пока нет.

– Пока? – уцепилась она за эту фразу и посмотрела на Макса с такой надеждой, что он невольно улыбнулся. Алиса еще слишком молода, к тому же не отошла от последних событий. Стоит ли на нее сердиться?

– Сколько тебе еще учиться осталось?

– Два года, – удрученно пробормотала девушка, понимая, куда Макс клонит.

– Вот давай через два года и поговорим о работе в агентстве. И мы на ноги встанем, и ты получишь диплом. Не хочу, чтобы ты бросила учебу. Прошу тебя, как взрослый взрослому, не высовывайся. Тебе в одиночку с Темным не справиться. Я благодарен тебе за то, что ты мне рассказала. И подумаю, что могу сделать. Хорошо?

Не дождавшись, когда Алиса ответит, Макс попросил счет и расплатился за оба заказа. Грачева все это время сидела, расстроено вертя в пальцах стакан с недопитым соком. Но заниматься уговорами Макс больше не мог. Он извинился за то, что ему нужно уйти, и вежливо попрощался.

На стоянке возле мотоцикла Макс задержался, чтобы предупредить Люсинду, что он задержится. Потом отыскал в почте письмо от музыканта Матвея Шурупова. Легендарный

Шуруп сдержал обещание и с личной почты прислал приглашения на концерт, который должен состояться на днях.

Сейчас Макс решил потревожить музыканта, чтобы узнать о возвращении Ивана Темного.

И уже после того, как отправил мэйл, он набрал Викторию.

– Ой, Максим! – обрадовалась та, и голос ее зазвенел от волнения. – Представляете, мне сегодня утром позвонил один мужчина и захотел купить картину! Говорит, что нашел меня через магазин. Я с ним немного поговорила. Говорит, с картиной у него связаны какие-то воспоминания. Якобы это подарок близкого человека, который вынужденно продали. А когда этот мужчина решил выкупить картину, узнал, что ее кто-то приобрел. И так он вышел на меня.

– Он представился?

– Да. Сиволов Геннадий Андреевич. Я все записала. Но пока... отказалась продавать картину.

– Почему? – удивился Макс. Виктория же так мечтала избавиться от полотна!

– Она как-то связана с исчезновением Саши! Как я могу ее продать, если он не вернулся домой!

– Хорошо бы вам с этим человеком встретиться. Нам нужно узнать об этой картине как можно больше. Можем пойти на встречу вместе. Я представлюсь вашим мужем.

– Поэтому я вам и позвонила, Максим! – обрадовалась Виктория. – Тогда я напишу? Этот мужчина почему-то попросил не звонить, а писать.

– Да, конечно. Но назначьте встречу на завтрашний вечер. Можно утром приехать к вам с одним человеком, который возвращается в кругу художников?

– Приезжайте! Максим, а что с письмами? Я сообщила в полицию, но что узнали вы?

– Гера подтвердил, что почта не была взломана, в нее вошел кто-то по паролю. Но по провайдеру пока не удалось установить место нахождения того, кто отправил вам сообщения.

– Это Саша! – обрадовалась Виктория. – Чувствую, что это он!

Закончив разговор с клиенткой, Макс набрал Геру.

– У нас новое лицо в деле. Узнай все, что можешь, о Сиволове Геннадии Андреевиче. Якобы картина раньше принадлежала ему, была подарена близким человеком, но позже продана в магазин, в котором ее купила Виктория.

– Понял! – отозвался Гера, что-то громко жуя. – Когда будешь? Лида хочет на обед. У меня тоже кишки с голодухи трубно завывают. Шаман не вернулся. Ты тоже. Люсиндвич закопалась в бумажках.

– Я задержусь еще на пару часов, Гера. Надо съездить в одно место. Оставь офис на Люсинду и идите обедать. Если что, знаете, как со мной связаться.

– Ок. Спасибо, бро.

Макс написал сообщение Марине, сел на мотоцикл и сорвался с места.

Глава 6

– Нет, даже не спрашивай, что у нас за новое дело! Пусть начальник сам все расскажет!

Арсений лукаво улыбался, по-птичьи склоняя голову набок, и выглядел в этот момент таким обезоруживающе-забавным, что Марина тоже улыбнулась. Она понимала, что он ее дразнит, но тем не менее поддалась на игру и принялась, как шаману и хотелось, упрасивать:

– Хотя бы намекни!

– Нет, нет и нет!

– Тогда зачем раздражил? – притворно возмутилась Марина. Но Арсений только рассмеялся.

Кто бы сказал ей в первую встречу летом, что этот экстравагантный, эпатажный, привыкший к роскоши и никому не понравившийся человек на самом деле такой душевный! Как его приняли в команде? Марине очень хотелось, чтобы Арсений влился в коллектив, но она понимала, что завоевать доверие сотрудников агентства не так просто. Сам же парень на расспросы отвечал, что все идет как надо. А что за этим «надо» скрывалось – оставалось лишь догадываться.

Арсений приезжал в больницу почти каждый день и за такой короткий период подружился с Мариной. Он умел, когда хотел, расположить людей к себе, очаровал даже строгую не улыбчивую старшую медсестру. Легкий флирт, комплименты, улыбки и гостинцы для медперсонала – и Арсений быстро стал в отделении любимчиком. К Марине же он подобрал другой ключик – работа и переживания за команду. Как там справляются без нее с бытовыми и повседневными делами, особенно сейчас? Коллеги привыкли к налаженному процессу работы. Марина не только следила за тем, чтобы в офисе все исправно работало, сортировала заявки и отвечала на звонки, но и встречала посетителей и делала все возможное, чтобы те чувствовали себя спокойно, надежно, уютно. А сейчас Макс занят вопросами другого уровня. Лида наверняка считает заказ канцелярии ниже своего достоинства. От Геры в бытовом плане больше шума, чем пользы. А Люсинде хорошо доверять бумажную работу, которая не требует спешки. В новом офисе как пить дать царит неразбериха.

Поэтому новость о том, что Арсений взялся временно ее замещать, не столько удивила Марину, сколько обрадовала. А когда она поняла, что шаман справляется с заданиями лучше некуда, и вовсе успокоилась. Тем более что Арсений явно наслаждался своими обязанностями.

Но он приезжал не только из-за работы. Изначально Марине казалось невероятным, что кто-то не имеющий квалификации врача может справиться с ее проблемой, но она решила принять помощь шамана. Она не могла объяснить и себе, откуда возникло это доверие, но ее накрыло, будто мягким теплым пледом, этим ощущением. Словно какая-то до этого дремавшая часть ее души потянулась к душе Арсения. Чувство узнавания оказалось таким сильным и ошеломляющим, что Марина даже испугалась. Может, шаман включил секретные чары, которые обаяли ее, как и грозную старшую медсестру?

Но как бы там ни было, Марина не пожалела.

Шаман в первую очередь снял боль, которую до этого гасили анальгетики. «Таблетки тебе больше не нужны, – авторитетно заявил он. – Только отравляешь организм и впадаешь в зависимость». Арсений, оказывается, не просто так обаял медицинский персонал: с помощью гостинцев и комплиментов ненавязчиво узнавал подробности диагноза и, выведав все, что ему было нужно, выбрал какой-то свой метод. Марине всего лишь нужно было смотреть Арсению в глаза. Взгляд, направленный, казалось, ей в душу, она выдерживала недолго и быстро погружалась в транс. Что происходило после, девушка не знала. Но после каждого такого сеанса

чувствовала себя лучше. Правда, потом она крепко засыпала, но шаман только улыбался: «Во сне ты выздоравливаешь».

Сегодня Арсений вел себя отчего-то по-другому. Гораздо дольше шутил с медсестрами, откровенно с ними флиртовал, пока Марине измеряли температуру и давление. Немного поддразнил упоминаниями о новом деле, а потом резко стал серьезным. Отошел к окну и скрестил на груди руки.

– Вчера я просил духов помочь мне понять, что с тобой. Это был один из ритуалов, который... Впрочем, не важно. Я получил ответ. Но он тебе не понравится. Слишком простой и одновременно сложный.

– О божечки, Арсений! Ты можешь говорить прямо, а не загадками?

Шаман снял пиджак, оставшись в ярко-розовой рубашке, аккуратно повесил его на спинку стула и наконец-то присел.

– Духи подтвердили, что твоя проблема не физическая. Удар машины тут ни при чем. Но мы это и от врачей знали.

– Да, они говорят, что проблема носит скорее психологический характер. Я пережила испуг, болевой шок, стресс и...

– Нет. Это все не то. Духи ответили, что причина не внешняя, а внутренняя. Ты сама создала себе проблему, потому что тебе так надо.

– Что? – рассмеялась Марина. – Как я могу создать себе такое? Я очень хочу вернуться к обычной жизни! Я не желаю себе лежать беспомощно в кровати!

– Но тебе нужен Макс. Его внимание.

– При чем тут он! – она даже немного рассердилась, потому что шаман коснулся сокровенного. Ей и с сестрой было неловко разговаривать о Максе.

Арсений коснулся руки Марины, будто желая ее успокоить, и мягко ответил:

– Ты не уверена в том, что нравишься ему. Не знаешь, приезжает ли он к тебе, потому что любит, или из долга. Макс, видимо, тоже не торопится развеять твои сомнения на понятном тебе языке.

Гость обвел взглядом палату, кивнул на вазу с цветами и на плюшевую игрушку.

– Даже подарки – не доказательство его симпатии, верно? Скажи честно, Марина, ты сомневаешься в его чувствах?

– Ты решил стать моим психотерапевтом? – нервно усмехнулась она.

– Нет. Хотя шаманы тоже немного психотерапевты – по долгу службы. Как и ведьмы. Можешь не отвечать, ты уже подтвердила мои слова.

– Макс никогда не говорил о своих чувствах. Как я могу наверняка знать, что он ко мне испытывает? – решила Марина впервые озвучить свои сомнения. Даже с Наташей она так не откровенничала.

– И я о том. Вы говорите на разных языках. Макс по натуре молчаливый, свои чувства закапывает так глубоко, что сам зачастую их не осознает. Выражает их не словами, а действиями, без особой эмоциональной окраски.

– Гера даже звал его роботом, – нервно улыбнулась Марина и обняла себя руками, будто ей стало внезапно холодно. – Я это знала и... принимала. Наверное. Но сейчас мне хочется ясности. А ее нет. Он приезжает, привозит подарки, гостинцы, расспрашивает о моем самочувствии. Даже оплатил пребывание в отдельной палате. Но он человек долга, чести. И...

– И наверняка еще, в силу своего характера и всех событий, винит себя за произошедшее, – продолжил Арсений. Марина просто кивнула. Ей стало одновременно и легко из-за того, что она наконец-то озвучила свои сокровенные мысли, и горько, потому что Арсений как бы подтвердил ее сомнения.

– А теперь я подхожу к главному, Марина. И, возможно, тебе будет больно. Готова к этому?

– Хуже, чем есть, не будет.

– В общем, мы признали, что ты сомневаешься в чувствах Макса. Ты ждешь от него одного сценария, а он идет по другому, и это недопонимание между вами множит твои сомнения. Ты не знаешь, будете ли вы вместе после твоего выздоровления, потому что в твоём понимании Макс навещает тебя из-за вины. Но, когда ты окончательно поправишься, он будет избавлен от «долга». Это твоя гипотетическая «реальность», которую ты себе придумала. Так вот. Ты считаешь, что Макс оставит тебя здоровую, поэтому, чтобы этого не произошло, тебе нужно оставаться нездоровой. Понимаешь, куда я веду?

– Хочешь сказать, что я удерживаю его тем, что болею?

– Ты болеешь, чтобы удерживать его, – припечатал Арсений. – Пока ты лежишь слабая в кровати, Макс тебя навещает. И чтобы это не прекратилось, тебе нужно продолжить болеть. Твои физические травмы заживают. И твой мозг придумал другое – эту слабость в ногах.

– Но... Это не так! Я не умею манипулировать, да еще во вред себе!

– Осознанно нет. А вот где-то в глубинах подсознания вполне могла придумать такую хитрую схему. Я собирал историю твоей болезни, Марина. И изначально у тебя не было такой проблемы. Позвоночник не пострадал, чувствительность в ногах не исчезла. Слабость в мышцах стала развиваться позже, по мере того как ты выздоравливала.

– Да, но... Врачи говорят, что проявилось это из-за стресса. Посттравматический синдром и... – пробормотала Марина. Ее негодование стихло так же внезапно, как и возникло. Отчего-то она поверила Арсению – как доверилась и его нетрадиционным методам лечения.

– То, что я тебе рассказал, не противоречит вердиктам врачей. Они считают, что твоя проблема носит психологический характер, как, допустим, внезапная немота пережившего сильный испуг ребенка. Я лишь разобрал ситуацию подробнее. Вскрыл болезненный нарыв.

– И что мне теперь делать? Прижать Макса, мол, или признаваться в любви, или... – она горько усмехнулась. – Конечно, я на такое не пойду.

– Тебе нужно принять другой сценарий, в котором ты здоровая и Макс с тобой. Но разговор вам тоже не помешает, раз тебе для собственной уверенности не хватает ясности.

Марина задумчиво пощипала ткань пододеяльника. Арсений ситуацию разложил понятно, но вот как из нее выйти? Если бы все было так просто! Ей сложно решиться на открытый разговор с Максом! Особенно сейчас, когда она такая непривлекательная: бледная, осунувшаяся, ненакрашенная, с неприбранными волосами, одетая в пижаму.

– По твоей логике выходит, что я могу встать на ноги и в случае, если утрачу интерес к нему.

– И так тоже, – улыбнулся Арсений, вновь склонив голову набок. – Если так проще.

– Проще? – засмеялась Марина. – Если бы...

Если бы! Ее тайная любовь к Максиму два года была одновременно и ее слабостью, и силой. Опорой.

– Ну что ж, давай пока оставим эту тему и перейдем к нашему лечению. Готова?

– Всегда готова! – отрапортовала Марина, пытаясь развеять неловкость, которая возникала каждый раз, когда шаман устанавливал с ней зрительный контакт. Но их прервал удивленный оклик:

– Арсений?

Марина оглянулась и увидела Макса. Как он так незаметно вошел? Что успел услышать?

Шаман же ничуть не растерялся. Он с улыбкой поднялся, будто увидел не шефа, а старшую медсестру, расположение которой нужно срочно завоевать, и неторопливо снял со стула пиджак.

– Что ты тут делаешь? – сердито спросил Макс.

– Навещаю Марину.

Макс нахмурился. Ситуация ему явно не нравилась.

– Я уже ухожу. Встретимся в офисе? – как ни в чем не бывало предложил шаман.

– Угу.

Когда за Арсением закрылась дверь, Макс развернулся к Марине и отрывисто спросил:

– Он что, каждый день приезжает к тебе?

Макс явно злился: лицо его помрачнело, темные глаза стали непроницаемо-черными. Он резко провел ладонью по отросшим волосам, взъерошив их еще больше.

Марина не стала врать и кивнула. Макс сунул руки в карманы куртки и прошел к окну. Пауза затянулась, он стоял, отвернувшись и не меняя позы, невыносимо долго, и каждая секунда превращалась в каплю яда.

– Я думала, ты приедешь вечером, – невпопад сказала Марина, когда молчание стало невыносимым. Голос прозвучал жалобно, будто она действительно совершила что-то нехорошее и пыталась оправдаться.

– Я написал, что приеду в обед. Хотел застать тебя не спящей.

Он наконец-то повернулся к ней.

– Я не увидела сообщения.

– Что Арсений хотел?

Макс спросил уже другим тоном – будто безразличным, но Марина внезапно уловила в его голосе волнение. Макс был не столько рассержен, сколько встревожен. Почему его так беспокоила встреча с шаманом?

– Арсений приезжает советоваться по работе. Я ему помогаю, делюсь контактами, подсказываю.

– Ясно, – с заметным облегчением выдохнул Макс. – То-то я думаю, отчего он так со всем хорошо справляется!

На этом тему можно было бы и закрыть. Но Марина внезапно решилась, потому что недоговоренность между ними тяготила.

– Арсений еще помогает мне поправиться. Он же шаман, а не только офис-менеджер. Услуга за услугу.

– И что он с тобой делает? – насторожился Макс.

– Вводит в легкий транс и снимает боль. Мне уже не нужны анальгетики! – улыбнулась Марина. Но парень только больше нахмурился.

– Что-то не так? Тебя это... пугает?

– Нет, но... Нет, не пугает! Наоборот, я рад. Очень рад, что ты уже... можешь обходиться без лекарств! – спохватился Макс. Его радость, которую он постарался продемонстрировать, показалась Марине слишком ненатуральной.

– Ты ему не доверяешь, – не спросила, а констатировала факт она. Макс отошел от окна, снял куртку и присел на стул.

– Я не знаком с методами Арсения. Беспокоюсь, чтобы тебе его лечение не навредило. Вот и все.

Марина сделала вид, что ее удовлетворил ответ, потому что и сама еще не понимала, где проходит граница между правдой и тем, что она себе надумала. Может, дело действительно в том, что Макс слишком мало знает шамана.

– Арсений проговорился, что у вас новое дело! Расскажешь?

– Конечно! – оживился Макс и подвинул стул ближе к койке.

Его рассказ был занимателен, но Марина никак не могла сосредоточиться, потому что все думала о словах Арсения. Может, он и прав про разные языки. Но отчего-то сейчас чувствовала, что между ней и Максом пролегла пропасть. Они видят друг друга, но будто никак не могут докричаться: ветер уносит слова, жесты оказываются не так поняты. Казалось, все можно решить просто – задать Максу прямой вопрос. Но этот вопрос был бы подобен шагу к бездне. Готова ли она рискнуть?

Марина украдкой рассматривала лицо Макса с правильными чертами и с горечью думала о том, что такому красивому парню больше подходит другая девушка – яркая, эффектная. Здоровая. Скользила взглядом по его широким плечам, сильным рукам и невольно вспоминала, как крепко он обнял ее в тот августовский день. Тогда они, казалось, объяснились без всяких слов, и она доверилась ему. Может, ей всего лишь и нужно объятие?

«Замолчи. Просто обними меня». Почему-то стало невыносимо слушать бодрый рассказ Макса про едва начатое расследование. Его низкий голос всегда волновал ее, но сегодня отчего-то раздражал.

«Просто замолчи и обними».

Макс не заметил ни ее немой мольбы, ни взгляда, в котором отчаяния было больше, чем интереса. И с каждой секундой Марина лишь больше чувствовала их отдаленность. Макс не улавливал нюансов и намеков. Она же из этих нюансов плела свою жизнь. Марина заменяла работой главное – свои чувства к нему. Для него работа и была главным.

«Как же сложно тебя любить! Как же мне хорошо жилось без этих дурацких чувств! Как все было бы легко без них!»

Она зажмурилась, потому что на глаза навернулись непрошенные слезы. И Макс наконец-то замолчал.

– Ты в порядке? – растерянно спросил он после недолгой паузы, а затем вскочил на ноги.

– Я позову медсестру! Пусть она...

Он опять все не так понял, решил, что Марине больно! Ей действительно было больно, но не физически.

– Не надо! Я в порядке, – соврала она и тут же возненавидела себя за эту ложь. Ну что ей стоило сказать правду? Почему слова даются так тяжело? Почему так непросто попросить его просто обнять ее? Чего она боится – отказа?

– Не в порядке, – качнул головой Макс и снова присел. – Марина, что происходит?

В его темных глазах она увидела искреннюю тревогу и решилась:

– Ничего. Ничего не происходит. Между тобой и мной!

– Не понимаю, – обескураженно произнес Макс и чуть отодвинулся. Движение было невольным, он, похоже, и сам его не заметил, но Марина отметила эту деталь. И, конечно, истолковала все по-своему.

– Не понимаешь, – с горечью усмехнулась она. – Макс, если ты едешь ко мне из чувства долга, то лучше не надо.

– Что? – он резко сдвинул стул с громким противным звуком. – Марина, что на тебя... Что ты себе надумала?

– Я... – начала она и осеклась.

Как же он был хорош в этот момент – бледный, со взъерошенными черными волосами и... напуганный. Он не разыгрывал возмущение, он действительно был встревожен. Все негодование Марины вышло, будто воздух из проколотого шарика.

– Просто обн...

Она не договорила, потому что дверь с громким стуком распахнулась и в палату вошла медсестра.

– Время обеда!

Медсестра приветливо поздоровалась с Максом. Тот отошел в сторону, чтобы не мешать, но все то время, что Марина усаживалась поудобнее, не сводил с нее взгляд. О чем он думает? Сердится? Ей уже было стыдно за свою вспышку негодования. Может, если бы не разговор с Арсением, выпустивший наружу ее страхи, она бы сегодня привычно поболтала с Максом, порадовалась тому, что у агентства новое расследование, и, конечно, выпросила все детали. Может, даже предложила бы свою помощь – обдумать что-то, проанализировать. Ведь у нее столько свободного времени! Даже с избытком, раз она тратит его на накручивание себя.

Медсестра, оставив поднос с едой, ушла, а у Макса зазвонил телефон.

– Скоро буду, Гера.

Он сунул смартфон в карман и снял со стула куртку.

– Мне пора. Я приеду к тебе завтра вечером. Сегодня у меня ужин с родителями. Перенести не могу: у них годовщина свадьбы. Дата не круглая, без гостей, но я пообещал быть.

– Понимаю, – кивнула Марина, как хорошая девочка. На душе было так паршиво, что она побоялась сказать еще что-либо, чтобы не расплакаться. Или чтобы не рассориться с Максом окончательно. Она опустила голову, боясь встретиться с ним взглядом.

– Завтра я обязательно к тебе приеду и мы обо всем поговорим. Не так, как сегодня. Как взрослые люди. Хорошо?

И она снова кивнула. Облегчения Марина отчего-то не чувствовала, наоборот, какую-то непонятную тяжесть. Уходит – и пусть уходит...

Макс шумно задернул «молнию» на куртке.

А потом, прежде чем выйти, внезапно шагнул к Марине и обнял ее. Крепко. Она в растерянности замерла, не подняв рук, чтобы обнять в ответ. Но когда сердце затопила запоздалая горячая радость, Макс уже отступил.

– Держись молодцом! До завтра.

– До завтра... – прошептала она вслед. И, когда за ним закрылась дверь, схватила подаренного им накануне зайца и прижала к себе.

Лес остался позади, туман рассеялся, явив тонущий в мутных сумерках луг. Косой дождь лишь усугублял удручающую картину. Возможно, от дождя здесь было на несколько градусов холоднее. Марина моментально продрогла, хоть была закутана в объемную куртку – явно чужую, большую, мужскую. Она спрятала руки в карманы, натянула шарф до носа и шагнула вперед. Рано или поздно, но эта бесконечная дорожка ее куда-то выведет. Почва под ногой чавкнула, Марина не без труда выдернула ногу из жижи. Путь через луг явно предстоял не самый легкий. Но стоять здесь – только терять время.

Шаг, еще один – и с каждым пройденным метром ноги проваливались в почву все глубже. Марина беспокойно оглянулась: ушла вроде не так далеко, может, вернуться, пока не вступила в топь? Жижка едва не заливалась в высокие ботинки. Но от любого промедления ноги еще больше увязали в трясине. Ловушка, это ловушка! Попытка развернуться обернулась тем, что Марина чуть не упала. У нее остался лишь один выход – идти вперед и так быстро, насколько позволяло болото.

Она добралась уже до середины луга, когда кочка под ее ногой резко ушла вниз. Марина охнула и провалилась в грязь по колено.

– Чем ты готова пожертвовать ради спасения?

Голос, который принес ветер, был женским, молодым. Марина дернулась от неожиданности и еще больше увязла.

– Что ты можешь отдать за свое спасение?

Незнакомки не было видно, но она, похоже, с упоением наблюдала за тщетными попытками Марины выбраться. Болото, до этого притворявшееся безопасным лугом, ожило: поверхность заколыхалась, забурлила пузырями. Один из них надулся рядом с Мариной и лопнул с хищным чавканьем.

– Что угодно! – вырвалось у нее.

– Отдай мне то, что тебе тяжело нести. Мне нужно только это.

Только это?

Марина дернула ногой сильнее и, не удержавшись, упала. Теперь и обе руки погрузились в жижу. Она с ужасом увидела, как перед ее лицом растет огромный пузырь, и отчетливо поняла, что, когда тот лопнет, ей наступит конец. Болото навсегда заберет ее в плен, и никто

никогда не узнает, что с ней случилось. Ноги стали такими тяжелыми, будто к ним подвесили гири: при всем своем желании Марина больше не могла пошевелить ими.

– Бери! Забирай! – вырывалось у нее.

– Уверена? – засмеялась незнакомка. Ее голос пронесся над болотом-лугом сильным ветром, взьерошил, будто ладонью, заросли осоки. Марина уже коснулась пузыря подбородком. Еще чуть-чуть, и она захлебнется жидкой грязью.

– Да.

Женщина оглушительно взвизгнула. Над лугом, кося осоку, пронесся уже не ветер, а смерч. И не успела Марина ужаснуться, как воронка обернулась вокруг нее, сжала тисками, а затем с легкостью выдернула из топи. Марину закрутило в воздухе, перевернуло с ног на голову, несколько раз сильно встряхнуло. Сколько продолжался этот «аттракцион», она не смогла понять. Что-то больно ударило ее в грудь, чиркнуло острым, рассекая не только одежду, но и кожу. И, может, от этой мимолетной, но сильной боли Марина потеряла сознание, потому что очнулась уже на почве – холодной, голой, но твердой. Она несколько мгновений так и лежала, распластавшись и уткнувшись лицом в землю, а затем осторожно пошевелилась. Ее мутило от встряски, испуга и ноющей боли. Марина оперлась на дрожащие руки, подтянула к себе одну ногу, потом другую, встала на четвереньки и наконец-то смогла подняться.

Коварный луг остался позади, а впереди расстилалось кладбище. Простые кресты торчали из полуразрушенных могил, будто костлявые руки, протянутые навстречу отвернувшемуся от них небу. Марина содрогнулась и нервно оглянулась. Назад ходу не было, она только что чудом спаслась из губительной трясины. Значит, опять вперед – через пугающее заброшенное кладбище. Благо, то бесконечно раскинулось в стороны, но впереди виднелся просвет. И все же ей предстояло, пусть и немного, пройти мимо могил. Как жаль, что с ней нет Макса... Ему к таким местам не привыкать. С ним ей было бы совсем не страшно.

От мыслей о Максе в груди вдруг сильно заболело, так, что Марина охнула и невольно прижала ладонь к коже в том месте, где оказался порван свитер. Пальцы нащупали длинный кровоточащий порез. На что она напоролась, пока ее швырял смерч?

– Это пройдет! – раздался снова женский голос.

У края кладбища стояла молодая стройная женщина, затянутая в темное платье. Бледность кожи только подчеркивали черные, стриженные под каре волосы и кроваво-красная помада. Незнакомка протянула к Марине руку и слегка поманила.

– Кто вы?

– Твоя спасительница, – улыбнулась женщина, но в ее угольных глазах улыбка не отразилась. – Иди сюда. Не бойся!

Марина несмело, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы взгляд невольно не цеплялся за кресты и полуразрушенные могилы, пошла вперед. Но, когда до незнакомки оставалась пара десятков метров, невольно посмотрела на одинокую могилу – и только потому, что та была относительно новой, а вместо креста виднелся памятник. Посмотрела – и тут же пожалела об этом, потому что с фотографии на гранитном памятнике улыбался Арсений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.